

Сердце терновника, или Фаворитка эльфийского императора

Автор:

Екатерина Лоринова

Сердце терновника, или Фаворитка эльфийского императора

Екатерина Лоринова

Когда старый кошмар – или несбывшаяся мечта – стучится в двери в облике прекрасного эльфийского императора, не остается ничего иного, как открыть. Сай становится фавориткой старого врага, чтобы спасти сына, но что ждет простую смертную при снартарийском дворе? Неминуемый проигрыш в подковерных интригах... или любовь? От ненависти до любви, властный герой и сильная героиня. Прямое продолжение книги "Ядовитые узы, или Два зельевара – гремучая смесь".

Я потеряюсь в твоих глазах –

Ты отравляешь сильнее яда.

Ты – моя радость, печаль и страх,

Чего еще мне от жизни надо?

Перевернул все, что только мог,

И не спросил, чего я желаю.

Ты – император, почти что бог,

А я ведь смертная и земная.

Перечитать бы в твоей душе

Все откровения этой ночи.

И я бы даже сдалась уже,

Да только ты отпускать не хочешь.

Нет, я не знаю, кем раньше был,

Кого любил и кому поверил.

Но у меня не хватает сил

Навек закрыть пред тобою двери.

И даже можешь меня убить,

Я не успею сказать ни слова.

Я научилась тобою жить –

И лишь с тобой умереть готова.[1 - Ольга Валентеева]

Глава 1. Сайерона, или Ночной визит

– Может, ты все-таки меняпустишь? Нехорошо держать императора под дождем.

Струи бились в закрытые ставни, что ходили ходуном от порывов по-волчьи завывающего ветра. В такую погоду хозяин виверну из ангара не выпустит, не то что выйти на улицы самому.

Верно, галлюцинация. Сколько раз я закрывала глаза и видела его изумрудные омуты? Сколько раз прислушивалась к себе, надеясь услышать его голос – даже когда аура пришла в норму? Это попросту невозможно!

Но Гриша снова напомнил о себе, нервно дернув хвостом. Галлюцинация на двоих? Не слышала. Но как... как?! Если он все это время был жив и нарочно не давал о себе знать, я собственноручно убью его снова! Оживлю, не знаю как, и снова убью!

Сердце зашло в безумном бегстве. Если за дверью и правда снапп, у меня есть все основания его опасаться. Именно я столкнула эльфа с обрыва – пусть и под влиянием его собственной крови, пусть и в отместку за мантикору, но вряд ли он способен простить. Странно, конечно, что молчал целых три года, но, быть может, вынашивал холодную эльфийскую месть?

Я обернулась, холодея – вверх по лестнице находилась детская. Страх хлынул в каждую клетку тела, но я колоссальным усилием взяла себя в руки. Дверь выдержит, да и Гриша сумеет за нас постоять. Ведь сумеет? Грифона захотелось как следует встряхнуть – даже маленький Ленс повел бы себя храбрее. Но... что, если его ужас небезоснователен?

– Сайерона, – колдовской голос вмиг заставил забыть о чем-либо, теперь он был серьезен и завораживал еще сильнее, – я пришел как друг.

– Ты призрак?

Не знаю, существуют ли призраки за пределами детских сказок, но после всего случившегося я бы ничему не удивилась.

– Открой, и проверишь.

Меня бросило в жар от возможных способов «проверки».

– Или ты надеешься умертвить меня простудой? – теперь в голосе проглядывало нетерпение.

Неужели он там... действительно мокнет под дождем. Какая из меня после этого хозяйка.

Оправдав таким образом тайное желание открыть, я не дыша повернула колесико замка.

Гриша двинулся вперед и, поравнявшись со мной, уставился на дверь в ожидании.

Представляла ли я себе нашу встречу? Солгу, если скажу, что нет. В фантазиях там были – прости, Солнце! – и объятия, и когда-то так и не случившийся поцелуй, и пощечина.

В реальности я отступила на шаг и чуть влево, встав в боевую стойку. Только копы не хватало, с которым мы зачастую тренировались на вивернах. Или аркана, чтобы сбить с ног и запеленать куколкой бабочки. Пусть почувствует себя насекомым! Но в руках у меня была только дрожь, и я с трудом могла совладать с собой.

Не думала, что секунда может длиться так долго.

Дверь не скрипнула, просто в холл ворвались втрое усиленный шум дождя и запах влажной земли. Летом, когда я в последний раз видела эльфа, к осязанию прибавилась бы полевая трава и ветер, напоминающий о полетах.

Звуки приглушились, и в относительной тишине я особенно четко различила его присутствие. Доказательство того, что я не убийца, стояло прямо передо мной в темном плаще поверх кожаного камзола. Как у какого-то наемника. Как он выжил? Сердце сжалось от мысли, что снарр мог страдать, и покрылось изморозью страха. Отомстит. Как пить дать, отомстит. Не стоило впускать, глупая я девчонка. Все такая же падкая на его очарование, как и три года назад. При том, что на эльфов у меня стойкая идиосинкразия!

– Сай? – мягкий вопросительный тон рвал душу на кучу лоскутов, и я всеми силами сдерживалась, чтобы удержать парус целым, а лодчонку на плаву в этом море эмоций, – Что, даже не посмотришь на меня? Не убедишься, когопустила?

– Для того, чтобы в этом убедиться, совершенно необязательно смотреть, – я запустила пальцы в мохнатую шерсть волкодава. Со спины он был почти неотличим от огромного северного волка, но один взгляд на характерную морду, куда более узкую, чем у лесных хищников, полностью развеивал сходство.

– И то верно, – золотая брошь на широкой груди приблизилась, – ты ведь ничего не забыла, правда?

Он словно поглощал, выжигал собой весь воздух. Хотела бы я забыть...

– Как ты выжил? – я наконец резко подняла глаза. То же точеное лицо, высокие скулы, идеальные черты. Глаза под резким разлетом бровей темнее обычного, и мне стало совершенно не по себе. И в то же время... пришло понимание, что на место встал тот самый, давно искомый и недостающий кусок пазла. Пришел в движение сломанный механизм, что разжигает истинный интерес к жизни – только начал свою работу, но я услышала его звук.

– А ты не рада? – если бы глаза могли выпить душу, она уже была бы заточена внутри его изумрудов. Никто никогда на меня так не смотрел. О чем он думал? Нет, лучше не знать.

– Я рада, что ты жив.

– Взаимно, – кривая полуулыбка, – я был искалечен, я был зол, – Фил снял плащ и развесил на лосиных рогах. От такого простого, домашнего действия я опешила и даже пропустила мимо ушей его «был зол», – я мечтал убить тебя всеми возможными способами.

– Но это ты натравил на меня мантикору! И это твоя кровь завладела моим сознанием, усилив аффект! – я почти набросилась на него с кулаками, но остановил старый страх перед прикосновениями к этому шантажисту и вымогателю.

– Верно.

– И ты всегда мне лгал! – как же все-таки не хватало возможности высказать ему все, что я о нем думаю. Три года, три невыносимо долгих года...

– О своем народе я говорил правду, – Фил поднял руки в примирительном жесте – почти шутливым, но глаза оставались серьезны. – Цель оправдывает средства, ведь так?

– Радует, что цели ты не достиг, – я мстительно улыбнулась, – трон занял истинный император, а не такой выскочка, как ты, – да, стоило ждать три года, чтобы сказать это Филу в лицо.

Даже подумать страшно, что стало бы с империей, займи он трон. А новый владыка показал себя куда лучше совета наместников – налоги упали, наладились отношения с Гринустайром, королевством лунных эльфов, торговля процветала. Под его началом запустили первый печатный станок, и теперь выпускали газеты, да и книги стали на порядок дешевле. Кора, фанатичная поклонница владыки, говорила, что он истинный ценитель чтения. Не то что Фил, запрещавший цитировать Алиссана. Император Феликс был достоин своего венца. Благослови его Солнце.

– Сайерона, – как всегда, на устах проклятого Фила мое имя звучало прекрасной песней весенних ручьев, – рад видеть, что ты довольна. Но должен сказать, что я понял про влияние моей крови. Не сразу, но понял. Я сам наказал себя.

– Ты пришел повиниться? – я уперла руки в бока.

– Не только.

В мыслях тут же промчался табун безумных фантазий, сопровождаясь насмешливым ржанием. Мечтай больше, да только рот закрывать не забывай.

– Я использовал марионеток, потому что не верил в собственные силы. Не только в доверие других. Я не верил в себя. Вот подумай, если сам себе не доверяешь и не ценишь, то как можно ожидать подобного от других? То-то же, – Фил сел у камина, вытянув ноги.

– Я подброшу угляй, – откровения эльфа требовалось осмыслить. Сильно он, видать, головой ударился, раз мозги встали на место. Или снова притворство? Нет, я больше не выдержу. Сейчас я никак от снарра не завишу, поэтому дослушаю его исповедь, позволю обсохнуть, и пусть идет, откуда шел.

Когда я вернулась с холщовым мешком угля, бросила случайный – ладно, неслучайный взгляд на спинку кресла и замерла. Золотистые волосы, по-эльфийски заплетенные от висков, свободно ниспадали на спину. На контрасте с широкими развитыми плечами это было опасное зрелище. Слишком опасное. Сглотнув, я занялась камином.

Движение теней – и снарр на корточках рядом.

– Позволь мне.

– Мм... если ты теперь моя горничная, то, может, и в прихожей приберешься? – я была готова говорить что угодно, лишь бы избавиться от колючей неловкости.

– Алиссан писал, что истинный аристократ всегда держит дом в чистоте, вне зависимости от его размеров и количества слуг. Вода натекла по моей вине, так что с удовольствием.

– Все, говори немедленно, кто ты и зачем носишь личину Фила! – я почти смеялась, глядя, как гордый снарр наводит порядок.

Эльф закончил и вымыл руки.

– Кто я? Просто скромный слуга богов, император Снартари, Феликс Двенадцатый Сияющее солнце.

Я согнулась пополам.

– Хорошая шутка, но повторяться дурной тон, – вспомнилось, что за дверью он уже говорил про императора – верно, про себя как несостоявшегося императора, и я оценила самоиронию.

– Смотри, – снарр вытянул левую руку и повернул ладонью ко мне, – смотри внимательно, как во время нашего свидания на острове, – от того, что он помнил один день, проведенный с простой смертной – и не просто день, а каждую мелочь, и считал его свиданием... Оттого внутри все перевернулось, и душа заняла от тоски по неосуществимому чему-то. Я сама не знала, чему, но уже разглядела гравировку циклонии, которую так любили «сажать» на все

государственные и должностные печати. На безымянном пальце, я ее уже видела. А вот на указательном круг из семи циклоний обрамлял снартарийскую руну Ф, бывшую так же центром символического солнца.

– Ну, неплохая бутафория. А тебе бы на сцене играть, вот твое призвание.

– На сцене? – глаза Фила округлились, он будто вспомнил что-то свое и спрятал ухмылку в кулак, – комедиантом меня еще не называли.

– Не моя вина, что ты всегда напрашиваешься на прозвища, – и «комедиант» был не самым худшим из них, – почему ты не можешь вести себя, как нормальный... эльф?

– А почему ты не можешь принять правду? Знаю-знаю, я недостойн доверия, – он отошел и стал рассматривать глиняные статуэтки на полках. Их любил мастерить Роб... Волкодав спокойно грелся на ковре у камина, явно взяв пример со снарра, и на поле боя я была совершенно одна.

– Перестань играть со мной или уходи.

– Уйти? Я пришел не просто повидаться после долгой разлуки, – голос эльфа стал жестким.

– Разумеется. «Просто повидаться» ты мог бы и раньше, если бы захотел.

Снарр резко повернулся.

– А ты хотела?

Я проглотила ком.

– Ты не стремился узнать. Во всяком случае, мог бы сообщить, что жив.

– Ну конечно, ты просто не хотела быть невольной убийцей. Понимаю. А я думал, ты будешь счастлива, если оставлю тебя в покое. Ты не знаешь, но я испортил первое зелье, когда знахарка пыталась тебя спасти.

Я задохнулась от возмущения. Еще тогда я могла стать свободной, еще тогда!

– Да, я был чудовищем.

– Зачем ты мне это рассказываешь? Покаяться можно и у жриц.

– Пробовал. Это не принесло покоя.

В груди осело тихое удовлетворение – могущественный снапп мечется, мятежный и неприкаянный, из-за простой «человечки». Но сам виноват.

– Остальным марионеткам, надеюсь, ты тоже нанес визит вежливости?

– Остальных я не убивал, – снапп отчаянно смотрел прямо в глаза, – да, воспользовался случаем с теми, кто был на пороге смерти, но не убивал. Им я просто прекратил давать кровь.

– Значит, мне особенно «повезло», – я машинально отметила, что предположение о госпитале было верным, – и почему я должна верить, что ты изменился? Как это вообще возможно?

Луна должна поменяться местами с Солнцем, чтобы тот беспринципный интриган стал... нормальным.

– Сай, – сокращение из его уст всегда звучало слишком интимно – и он это знал, если начал с него, решив задействовать все приемы, – сегодня ты мне открыла, – и он добил, подкупаяще улыбнувшись, – этой ночью ты впустила меня в свой дом. Скажи, ты впустила бы врага в новый любимый дом, где мирно спит твой ребенок? – я вздрогнула – он наблюдал за мной все эти годы? – Ты не считаешь меня врагом, Сайерона. Возможно, не знаешь, не понимаешь, но чувствуешь. И я правда пришел помочь.

Теперь я явственно ощутила сквознячок нехорошего предчувствия.

– Я не нуждаюсь в помощи.

– Поэтому твой сын носит иллюзию и как минимум раз в декаду пьет кровь из твоего запястья? – снапп озвучил мой потайной страх. С Ленсом что-то не так, и это плохо.

И в то же время появилась надежда. Я никому ничего не говорила и не надеялась, что смогу разделить с кем-то этот груз.

– Так уж вышло, что именно я виновен в его... необычности. Знаешь, – эльф схватил с полки первую попавшуюся фигурку – кажется, оленя, – ведь это он окончательно убедил меня во вреде вампиризма.

– Во вреде... чего?

– Магический ритуал вампиризма, это то, чем мы занимались с тобой, – снова прозвучало так, что пугающий смысл чудом не ускользнул, – практика, запрещенная среди эльфов еще в Седую эпоху. Наша кровь дает жизнь, но взамен забирает куда больше. Всю информацию стерли из архивов тысячелетия назад, я случайно узнал о ней от отца, когда был подростком, – Фил покрутил фигурку в руках, подбирая слова, а я слушала не дыша и не решалась перебить, – Давая свою кровь, я искажил плетение в полотне жизни. Может, слышала, в Ридгии верят, что Судьба – великая паучиха, и именно она плетет варианты предопределенностей. Мне близка эта теория.

– Что с моим ребенком? Ты знаешь?!

– Догадываюсь. Он – не мой сын, – я с трудом выдержала его взгляд, – но плод моего греха. Ты пила мою кровь, что противостоестественно, и вот последствие. Ленсар Мастерс – изъян на теле Ниариса, по всем существующим законам. Его рождение по-настоящему меня отрезвило... Я оборвал связь с последней «марионеткой», проводил дни в храмах за молитвами, а ночи за работой – уже без их помощи.

Честность снаппа пугала. Ошеломляющая честность, словно он решил признаться во всех грехах сразу. Зная, что достоин ненависти за содеянное, эльф говорил и говорил. Я его не узнавала. Может, потому и не получалось возненавидеть, хотя стоило бы.

– Сай, хуже всего то, что на днях прибыл ридгийский посол и передал требование выдать ребенка их магам.

Меня затрясло, даже смысловые неувязки про Фила и посла другого государства отошли на второй план.

– Ты пришел предупредить? – я обернулась к Грише и ментальным приказом велела подниматься наверх в детскую.

– Я никому не позволю забрать твоего ребенка. Я пришел предложить защиту.

– Очень любезно с твоей стороны. А теперь скажи – в чем подвох? – я скрестила руки на груди, – прости, но ты не был похож на альтруиста.

Да что уж там, сломал мне жизнь, и если бы не помощь друзей, топтать бы мне давно Серебряные поля.

– Если ридгийский раджа получит мальчика, то не преминет использовать против империи Снартари, – ну наконец похоже на правду! Горькое ликование хлынуло в сердце и грозило потопить, – но причина, конечно, не только в Ридгии.

– В чем же? – дыхание против воли участилось, я нервно облизнула губы и поймала пристальный взгляд.

Снарр неспешно подошел ближе и, потеряв бок оленя подушечкой пальца, вернул его на полку – туда же, где стоял.

– Я хочу этого.

– Предположим, я не буду вдаваться в причины, – ибо все равно не узнаю, – как ты защитишь нас?

– Магией ребенка не скрыть. Не от ока Раджи, по крайней мере, – Фил неопределенно повел рукой, – он немного провидец. Значит, нужно защищенное место, где Ленсар сможет переждать непростые времена. Ему не придется всю жизнь быть затворником, проблему с Ридгией я улажу раньше и, надеюсь, без войны.

– Ты говоришь так, будто имеешь полномочия. Хорошо устроился при новом императоре?

– Весьма, – снарр ухмыльнулся, но, к счастью, не стал продолжать свои скоморошьи игры, – ребенка мы укроем в Селестаре. В горе есть постоянные камни—источники магической защиты, они не требуют подпитки, как если бы ставить сеть на твой дом.

Хотелось бы верить, что появление Феликса и Фила смогло облагородить.

– Скажи... а где гарантия, что ты не выполняешь приказ? Что ты не заберешь моего сына, чтобы укрыть в безопасном месте до поры, до времени? А мне морочишь голову, чтобы не мешалась под ногами?

– Клятве пред ликом Солнца ты не поверишь, так?

Я кивнула, не отводя глаз. Какие клятвы!

– Кажется, в этом случае принято разводить руками, – не дожидаясь моей реакции, эльф перевел слова в действие, – прости, тебе придется или поверить, или поверить позже, но дела будут обстоять гораздо хуже. Что до меня, я в любом случае сделаю все возможное для вашей безопасности.

– Это мой сын. Мне нужно подумать, – я мерила шагами комнату, более не глядя на эльфа – в целях беспристрастности суждения, как выразились бы законники. За три года злость на мантикору выгорела и тихо тлела, но частичка меня не могла простить ему Лайериса. То, с какой легкостью он готов был отправить в чужую постель. И, конечно, не было уверенности, что высокомерному снарру есть дело до меня и до моего ребенка. Особенно такому, как Фил. Даже если предположить, что он и правда изменился... С чего бы ему снисходить до обычного человека? Разве что следует государственным интересам – и дай боги, если эти интересы не навредят Ленсару.

– Могу я взглянуть на него?

Обернувшись, я чуть ли не вплотную уперлась в грудь эльфа и от неожиданности резко отпрянула.

– О чем ты?

– Могу ли я взглянуть на ребенка? – пояснил терпеливо и просто.

Страхи вернулись с удвоенной силой. Впрочем... пожелай он похитить Ленса, то мог бы сделать это уже давно. Меня раскачивало, как огромный маятник под порывами ветра. И все же... даже это ощущение было лучше тихой смерти, в какой я пребывала три года, особенно после ухода Робина. Роб... я скучала по нему, по его авантюризму, и в то же время отзывчивости, готовности пойти на любой компромисс. Он был другом, с которым легко. Когда я месяцами хандрила и предпочитала одиночество, он принимал мое решение как должное. Оставалось только догадываться, насколько «легко» было ему самому.

Да, я грустила о Робе. Но, видит Солнце, по эльфу сердце разрывалось от тоски. Неправильной, эгоистичной, необъяснимой.

И вот он пришел и оживил меня. Тогда антидот вернул мне тело, сейчас я обрела душу. Я наконец чувствовала эмоции – не всегда приятные, но они были реальными, живыми, а не просто тенями в лабиринтах памяти.

– Сайерона? – мягкий голос над ухом зашевелил волосы, по коже пробежала россыпь мурашек.

– Хорошо, идем.

Мы поднимались в детскую, и меня не отпускала навязчивая фантазия о том, что это мог бы быть наш общий ребенок. Я радовалась, что приглушенный свет ночных магсветильников (которые я теперь могла себе позволить) скрывает густой румянец, а шаги и шорох одежды приглушают дыхание.

Я осторожно открыла дверь.

На пороге меня обуял странный страх – что сына не окажется в колыбели. После всего, что рассказал снапп, я почти в это поверила, когда не разглядела Ленса в темноте. Но вот блеснули глаза Гриши, до слуха донеслось мерное детское сопение, и относительное спокойствие ко мне вернулось.

Снар встал над резной кроватью – я могла только догадываться, о чем он думает.

– Тоже сережка? Разумно.

Он рассуждал о цене. Кольца, браслеты тоже были надежны, в отличие от легко теряющихся кулонов, но для постоянно растущего ребенка такой выбор не назвать экономичным.

– Могу я ее снять?

Сердце отозвалось тревожной дробью.

– Хочешь убедиться, что мой сын – тот, кто тебе нужен? Да?

– Сай, – Фил чуть поморщился, как от внезапной боли, – в письме, зачитанном послем раджи, были более чем точные указания насчет примет, адреса и родителей. А вообще мне бы хотелось увидеть те золотистые искорки в глазах. Но он все равно спит, – выражение лица эльфа стало на удивление мирным.

Искорки? Никогда не связывала их с эльфом и его кровью, но, правда, Ленс родился не голубоглазым, как множество малышей в империи, а с неопределенными зеленовато-карими омутами, в которых на свету плавали золотистые искры.

– Странное чувство, но я ощущаю некую причастность, – эльф выделил это слово, скользя взглядом по зеленой вышивке на сером одеяльце, – именно я повинен в том, что он... не такой, как все. И да, ты имеешь полное право меня ненавидеть, но искренне советую принять помощь. Для меня настало время исправлять ошибки.

Мой сын для него всего лишь ошибка. Хахах, ошибка, всего лишь ошибка ценой в человеческую жизнь. Меня обуял смех – Фил пытается быть человеческим, но получается все равно как-то по-эльфийски, через пень-колоду. Это если предположить, что он говорит правду.

– Сай, – снапп встревоженно всматривался в мое лицо. Решил, что крыша поплыла на радостях? – Сайерона.

И тут произошло то, что и впрямь заставило меня усомниться в здравом рассудке. Гордый солнечный эльф опустил на колени.

– Прости меня.

Два простых слова всколыхнули целый ураган чувств, куда больше, чем могли бы вызвать длинные велеречивые извинения.

Еще немного, и такими темпами я снова стану марионеткой, собственноручно вверю ему свою волю, и стану зависимой – уже не от крови, от него всего. От его голоса с бесконечной палитрой интонаций, от легкой поступи и взгляда, заставляющего трепетать. А уж взгляд коленопреклоненного эльфа будил совершенно неуместные желания.

Сердце отбивало причудливый ритм дикого танца, в котором кружились восхищение, страх, опасение и отчаянное желание довериться. Нет. Не в этот раз.

– Встань, – я удивилась, насколько властно прозвучал со стороны мой голос, – за мантикору мы давно квиты, а за сына я тебя простить не могу. Не сейчас. И мне нужно поговорить с верховной жрицей, убедиться, что ты не лжешь.

Уста провидицы не может осквернить ложь, это знают все от мала до велика. Если она что-то видела, то скажет. Больше нет способа узнать правду, даже Дана с ее редким даром видеть ауру – вероятно, переданным от кого-то из эльфийских предков, затесавшихся в семейном древе – не смогла бы прочитать снаппа. Когда я пила его кровь, моя аура становилась такой же непроницаемо-зеркальной. Хорошо, что я не вижу ничего подобного...

– Завтра я лично организую вашу встречу, – суровая статуя по имени Фил поднялась с колен во весь немалый рост, – завтра, потому что нехорошо будить жрицу среди ночи.

Уходя, Фил заверил, что жрица Смея будет ожидать меня на рассвете. Я оставила Ленса на попечении приходящей няньки, дедова семейства и Гриши, а сама помчалась с первым наемным экипажем, который смогла поймать.

Стоит ли говорить, что за ночь я не сомкнула глаз. То сидела у колыбели, то стояла там же, где стоял снарр, то переставляла фигурки, что он рассматривал. Иногда мне казалось, что глина пульсирует теплом его пальцев. Три года назад я избавилась от снартарийской крови, но нечто иное въелось под кожу сильнее дедовых татуировок.

Глупость, беспросветная глупость. Как можно мечтать о том, кто теоретически бессмертен, невыразимо прекрасен, а я... без иллюзии даже мне самой не взглянуть в зеркало без содрогания.

Ближе к рассвету я поняла, что отвергать желание, ставшее частью меня, бесполезно и бессмысленно. Лучше его приручить, чтобы контролировать. Управлять. Была я – большая полупрозрачная сфера, наполненная эмоциями, а внутри нее другая, поменьше. И в ней истекало кровью сердце, томящееся по снарру. Да, я отвела ему этот кусочек своего разума, как комнату для нежеланного гостя – в надежде, что он не станет в доме хозяином, а комната не одичает и не зарастет терновником, который проломит стены.

Да помогут мне боги Ниариса...

Рассветное небо светлело, Селестар и Храмовая гора приближались. Извозчик остановил лошадей на обочине тракта, не доезжая до извилистой проселочной дороги.

Верховная жрица Смея ждала у подножия. В белом с головы до ног, с опущенным капюшоном, открывающем седовласую голову. Тонкие губы улыбались. Снарр сдержал обещание.

– Вот мы и встретились снова.

– Вы... одна, – вырвалось у меня после традиционного приветствия – и совершенно искренней радости от встречи с женщиной, что подсказала ключ к противоядию, – я имею в виду, совершенно без охраны...

– Милая, – жрица беззлобно рассмеялась, – если чего-то не видно глазу, то еще не значит, что его нет.

Я смутилась. Отчего-то подобное даже не приходило в голову. А уж мне ли не знать об иллюзиях...

– Пойдем.

Как три года назад, мы пошли по тропе к беседке откровения. На похожей тропе я толкнула эльфа в спину... Нет, только не возвращаться в тот день. У меня хватает проблем в настоящем.

– Ты хочешь узнать о сыне, – войдя под тень купола, жрица скрестила ноги на циновке и махнула рукой в приглашающем жесте, – но я спрошу – говорить тебе все или только часть увиденного?

«Это знание не пронесет счастья», – сказал внутренний голос интонациями деда Фрайта, но я не боялась. Речь о моем ребенке.

– Делайте так, как будет лучше для него.

Верховная молчала – вероятно, это не то согласие, что требовалось для раскрытия тайны.

– Расскажите все.

– Что ж... боги поведали, что Ниарис породил необычное дитя. Долгоживущее, как представители снартарийской расы, но источник его долголетия в человеческой крови, ибо дитя от смертной женщины, что испила из снартарийских вен. Часть его от эльфийской природы, часть от человеческой, и связаны они ядовитыми узами греха. Продолжать?

Примороженная к месту, я медленно кивнула. Хриплый старческий голос продолжил истязание:

– Солнце отвернется от его потомков, сгорать они будут под его лучами, как в очистительном огне. То плата за преступление закона жизни, за

противоестественный грех, за оскорбление солнечных эльфов. Назовут пьющих кровь вампирами, в напоминание о грехе вампиризма, совершенном снарром и тобой, – взгляд Смеи уперся мне в лоб.

– Но это Он оскорбил собственную расу! Оскорбил богов! Он принудил меня... Почему должен расплачиваться мой ребенок?! – я забыла, что перебила саму верховную жрицу, что та отвечала на мой же вопрос, – почему не Фил?!

– О, Сияющий расплачивается, и расплачивается жестоко, – моя вспышка несколько не коснулась невозмутимой жрицы, – он исповедовался в страшных видениях, приходящих к нему по ночам. Мне неведомо, насколько они правдивы, но мучения его реальнее некуда, – кажется, она усмехнулась?!

– Но это не уменьшает несправедливости по отношению к моему сыну, – я уже не кричала, поняв, что криком в храме ничего не добиться, – скажите, он может прожить обычную человеческую жизнь, если не будет пить кровь?

– Ты сама знаешь ответ на этот вопрос, – синие глаза жрицы смотрели серьезно и печально, – без нее он зачахнет, как растение без воды.

– Вы видите его судьбу?

Старуха покачала головой. Да что ж такое!

– А ваше «проклятие Солнца» нельзя обратить? Я принесу любую жертву, если потребуется... отдам жизнь...

Под взглядом Смеи мой голос слабел и замолкал.

– Мне сие знание неведомо.

– Простите, мудрейшая. Могу ли я задать еще один вопрос?

– Говори, – ответ был одобрительным, но в воздухе чувствовалось едва уловимое напряжение. Я забирала время у верховной жрицы, у той, кто служит империи. Кто общается с богами...

– Чисты ли помыслы Сияющего? Могу ли я верить ему безопасность сына?

– Есть в этом некая божественная ирония, – молодые глаза старухи сверкнули, – если кто и способен помочь тебе, то только он.

Глава 2. Феликс, или Преступление и искупление

На следующий день

Тронный зал Селестара прекрасен – особенно, когда идешь меж мраморных колонн поступью хозяина. Шаги по черному фаргонскому мрамору с белыми прожилками отдавались гулким эхом, големы из ниш через каждые два ярда ловили блики из узких стрельчатых окон. Впереди сиял трон – в короне расцветных лучей и вправду казалось, что сиял на своем возвышении из двенадцати ступеней. Словно монолитная скала, он копировал форму Селестарского пика – почти отвесного на востоке и ошестинившегося двумя зубцами на западе. Искусно вырезанные ветви циклонии увивали подлокотники подобно живому растению, символу императорской власти.

Это мой престол. Данный по праву рождения, возвращенный по праву силы и мудрости. Скорее, хитрости, что звучит не так пафосно, но хотите узнать мое мнение – она достойна уважения не меньшего. Благодаря ей империя не утонула в крови.

Взгляд вернулся к рядам безмолвных металлических стражей. Зачем развязывать бесперспективную войну, если можно лишить соперника главного оружия? Истинное искусство войны не в скорости засевания поля вражескими телами. Лучший воин – тот, кто побеждает не сражаясь. Третий постулат монахов Призрачного ордена, где я провел вторую сотню лет после ухода. Позорного бегства, видит Солнце, но что было взять с зеленого юнца, совершенного не готового к правлению? Раздавленного и преданного?

Выйдя из камеры пыток, я искал способ никогда больше не испытывать боли, и он нашелся.

Я Феликс Элвелор, двенадцатый император первой и единственной династии Сияющих. По легенде, от моего предка когда-то пошел род солнечных эльфов. А я – тот, кто едва не прервал династию. И тот, кто умудрился создать новую расу, которую спустя годы нарекут «детьми ночи». Вот уже год, каждую ночь вижу смерть снарров от их рук.

Вампиры. С лицами, не знающими ласки солнца, с клыками, созданными убивать. Сложно в это поверить, глядя на невинного младенца в колыбели, но жрица подтвердила мои видения.

Как все-таки изменился мир за сто лет. В застенках монастыря, учившего презрению к любой боли, я был в блаженной изоляции. Потом наставник решил, что я познал все, что мог познать, и передо мной распахнулся когда-то покинутый мир. Мы оба изменились, я почувствовал в себе зрелость. Она незаметно возвращалась во мне каждый день, выстраивалась камень за камнем, и теперь я был неприступной крепостью, готовой выдержать любое испытание. Я так считал.

...Но даже крепость может рухнуть, если строить на болотистой почве. Я же мог обойтись без кровной связи с «марионетками», как их называла Сайерона, определенно мог, но слишком боялся довериться. Слишком часто меня предавали. Женщина, заменившая мне мать, первый советник, единственный друг, даже жена, которую мне навязали обманом. Опять обман – весело, не правда ли? Надеюсь, хотя бы она сейчас счастлива.

А я... счастлив ли, снова став императором? Сложно сказать. Что может чувствовать эльф, наследник великого рода... раз за разом совершающий ошибки? Вот тебе кажется, что ты повзрослел, стал сильнее, но всякий раз находится то, что не замечал. К чему не готовился. Не знал я и о том, что никакой Призрачный орден не научит терпеть душевную боль – хотя монахи предупреждали, конечно. Но я не подозревал, как может кромсать сердце простая человеческая женщина.

Моя первая жена, императрица Лидия, нежная Дия из Хелии... она тоже была простой смертной. Пожалуй, даже тогда, будучи взбалмошным отроком, я проявлял больше благоразумия. Не приближал ее к себе. Знал, что если полюблю, то буду страдать всю оставшуюся вечность – если, конечно, меня не убьют в какой-нибудь стычке, как отца.

Сайерону я тоже не приближал. Она была простой марионеткой, одной из многих. Ничто не предвещало опасности от обычной, пусть и талантливой выпускницы, но это просто случилось. Жгучая отравка обожгла сердце уже на второй день после нашего «знакомства», когда Сай чуть не поцеловалась с тем простаком. Я не сдержался и израсходовал энергетический импульс из амулета, раскрошив свою статую. Все равно она мне не нравилась – подозреваю, Совет наместников воздвиг эту образину исключительно из мстительных соображений.

И каждый день, который для Сай был последним, привязывал меня к ней сильнее цепей или заклинаний. Я тоже жил последним днем, неосознанно переживал за нее, как за судьбу какой-нибудь героини из книг Алиссана.

Однажды я понял, что еще немного – и сорвусь, потому решил прибегнуть к старому проверенному средству – отдать ее другому. Майлерису, гхар дери его папашу-военачальника, запрятавшего код от големов прямо у меня под носом. Этот злосчастный код и должна была бы разузнать Сайерона, но я справился сам. Хах, совершенно другим способом, но лицедейство имело место быть.

«Справился». Как смешно звучит это слово рядом с картинами разрушений, способными поразить Ниарис по моей вине. В юности, читая жизнеописания предшественников, никогда бы не подумал, что жизнь императора может быть настолько... непростой.

– Снова грустите, мой император? – Клерин, мой первый советник и просто хорошая подруга, по-эльфийски неслышно прошла к трону и остановилась, положив изящные пальцы на резьбу. Когда я того хотел, никто не мог войти, кроме нее да пары других доверенных лиц, появившихся за время моего правления. Во многом именно этой златовласой снаррит я был обязан успехом Тихого переворота, она естественно и незаметно завоевала доверие и пока лишь подтверждала, что ей можно доверять.

– Ты слышала, что сказал посол раджи, – я откинулся на алый бархат, – они требуют младенца.

Ребенка Сайероны и простака Роба, упокойте Серебряные поля его душу. Ревность к мертвому человеческому мальчишке так и не улеглась – я это понял вчера ночью, встретившись лицом к лицу с той, кого пытался отпустить три долгих года.

– И что Вы решили, мой император? – осторожный вопрос вернул из полутемной комнаты, наполненной ее теплом, в тронный зал.

– Нет никакой гарантии, что ридгийцы не используют вампира для своих экспериментов. С ковенom магов мы предоставим ребенку абсолютную защиту, подключим гильдию врачей. Кем бы он ни был, сейчас это просто ребенок, его эйши[2 - Душа на снартарилле] чиста, как белый лист.

– И его матери, я полагаю? – даже сидя спиной к эльфийке, я уловил едва заметное напряжение.

– Естественно.

Я поступал единственно верно и в то же время подписывал себе приговор – странное двойственное чувство. Она будет в моем дворце, слишком близко...

– Мой император, Ваше бремя тяжело, – Клерием скользнула к подлокотнику. Ее волосы как всегда были туго заплетены от висков, но все равно пушились непослушным золотистым ореолом, – однажды я услышала строки, спасшие меня от отчаяния. Позвольте их спеть.

– Пой, – я кивнул не глядя. Все солнечные эльфы прекрасно музицировали, и можно было не опасаться крови из ушей. Особой радости, впрочем, тоже не было. Только усталость и желание поскорее остаться в одиночестве.

Но вот снارئит запела, и тихая мелодия удивительно срезонировала с моим состоянием души.

Просто неси свет.

Ну и что, что в душе – боль,

Ну и что, что пути – нет,

Ну и что, что он не с тобой?

Просто иди вперед,

Ну и что, что в терниях путь,

Ну и что, что не знаешь, где брод,

Ну и что, что не отдохнуть?...

Просто учись прощать,

Ну и что, что на сердце шрам,

Ну и что, что порой не понять,

Что всегда виноват сам...[3 - Авторство принадлежит сетевому поэту Лелеладе]

Виноват сам. Признать тяжело, больно, как бывало от прижигаемой раны до обучения в Ордене... Но потом становилось легче.

– Мой император, – личный помощник Мелдон быстрым шагом вошел в залу и преклонил колени перед тронem. Металлическим стражам у входа был отдан приказ впускать и его. Когда-то простой столичный житель и талантливый студент, а ныне мой верный пес, этим утром был особенно желанным гостем.

Движением руки отослав Клерием и уловив едва заметное огорчение эльфийки, я велел слуге подняться.

– Какие вести?

Он расправил плечи в белом форменном камзоле – безмерно гордый за возможность служить императору. Марионетки в прошлом, да и зачем, если есть такие, как Мелдон? Я проверял его зельем откровения и мог не опасаться лжи.

– У меня несколько важных новостей. Позвольте начать с того, что ковен магов выражает недовольство.

Не то, что я ожидал в первую очередь от исполнительного смертного, но выслушать стоило. На ковене держалось энергообеспечение големов. Я не боялся, что маги нарушат клятву, данную перед богами, но даже небольшое волнение нельзя игнорировать – как знать, не перерастет ли оно в шторм.

– Говори.

– На сегодняшнем малом совете снарры сетовали на нехватку синергии для погодной башни.

Всего-то? Даже не для золотоносных шахт и не для теплиц с редкими ингредиентами. Для простой погодницы, регулирующей количество осадков, в чем необходимость возникала нечасто. Я мог бы подумать, что башня для отвода глаз, а причина глубже – в маленьком вампире, например, но свидетелями вчерашнего визита послов были только Клерием да молчаливые големы.

– Что предлагали?

– Сократить численность стражей, – человек опустил глаза, – перенаправить часть ресурсов, а охрану дворца и Вашего Величества компенсировать гвардейцами из новооткрывшейся военной академии.

Интересно. Веет запахом казарм снарры Вилериса и желанием использовать синергию в личных целях. Под благовидным предлогом...

– Чья идея?

Мелдон назвал имя одного из «нейтральных» лордов – после моего возвращения для меня они делились на «союзных», «нейтральных» и «скрыто враждебных». И вот всплыло новое имя. Ничем не примечательный наследник ничем не примечательного рода. Скромный и прилежный ученик, не так давно принятый в ковен.

– Присмотрись к нему, пусть твои щенки следуют за ним по пятам.

– Слушаюсь, мой император.

Любопытно, вынесут ли вопрос о башне на большой совет. Малый, закрытый совет ковен издавна проводил обособленно, но явно не в медитациях над тонкими магическими материями. Помню, отец хотел его упразднить, но куда лучше держать возможных заговорщиков на виду.

Я обвел взглядом два полумесяца кресел, обитых белым атласом – по обе стороны от трона, по шесть с каждой. Совет двенадцати снова стал имперским советом. Хорошая все-таки была идея с грифоном и похищением яйца. Многие так устали от грызни, что были рады законному правителю. И мест не потеряли, что немаловажно.

Но с простой смертной я прогадал...

– Что ответила лиронна Мастерс? – я наконец перешел к главному. Фамилия мертвого мальчишки уже не резала слух, как раньше. Разве важен набор букв и звуков по сравнению с тем, что решила Сай... Сайерона?

– Она согласилась на Ваше предложение.

Согласилась. Она согласилась! Я вспомнил, как дышать. Что ж, пора отдать пару новых распоряжений.

Глава 3. Сайерона, или Прощай, старый мир

Немного раньше

– Что ты решила? – мягкий вопрос жрицы прервал затянувшееся молчание.

Я вынырнула из раздумий, жадно хватая воздух. Мало, слишком мало времени, и слишком сложен выбор. Можно ли доверить эльфу судьбу сына, и насколько опасно остаться в неизвестности одним? Уста жрицы не может очернить ложь, но был ли честен солнечный эльф? Теоретически, даже со жрицей возможен

обман – что стоит надеть иллюзию с образом Смеи на любую комедиантку, не связанную божественными запретами. Но тогда ложь могла быть и послаще.

Как Дана перед назначением спорного снадобья, я замеряла соотношение пользы и вреда. Если бы дело касалось только меня... Слабая душа уже пела бы от радости, что будет видеть величественную красоту снарра, слышать его голос... Даже понимая, что эта песня может оказаться сродни смертоносному зову мифических русалок. Я имела право рискнуть. Все равно не ждала ничего нового после трех лет в пустоте, в декорациях, что так и не стали моей жизнью. Нет, я не забыла о друзьях – было бы несправедливо умолчать об их участии, но у каждого своя семья, свои заботы. Каждый катил свою телегу, на которой я была пятым колесом. Как бы ни любила деда, что бы нас ни связывало с Данари и Лилиенной, рано или поздно я оставалась наедине со своим трауром. И если бы только по Робу... Признавая последнее, не было и шанса отказаться.

Но я отвечаю не только за себя. Не представляю, как новый император держит на плечах всю империю, если мне порой сложно решить за одного маленького человека. Или не совсем человека, благодаря Филу. Злость на эльфийского шантажиста разгорелась с новой силой, и я произнесла без тени смущения:

– При всем уважении, Мудрейшая. Вы повторите то, что я скажу, в присутствии свидетеля. Только тогда я смогу дать ответ.

Думала ли ученица Сайерона Коул пять лет назад, что будет дерзить верховной жрице Снартари? Но старуха довольно кивнула, ни грана не удивившись. Видела? Знала?

Меня отпустили на все четыре стороны, просто взяв обещание вернуться через два часа. То ли жрица снова знала, что я вернусь, то ли за мной следовала незримая стража. В любом случае, стоило соблюдать осторожность.

Рынок среднего города просыпался рано. Я зайцем попетляла по цветастым рядам для отвода глаз, здороваясь со знакомыми и даже сделав пару мелких покупок. Одного такого знакомого торговца, давнего приятеля еще со времен Школы, я попросила сбегать за Даной и привести к главным рыночным воротам. Особый акцент сделав на то, чтобы ее плащ скрывал фигуру и лицо.

Данари постаралась на славу – когда ко мне грузным шагом подошла незнакомая женщина, я не сразу поняла, что это подруга.

– Сай, что-то случилось? – только голос оставался неизменным – бодрым и по-настоящему счастливым, – говори, для чего я надела две лишних шали?

Фил со мной случился. И до чего не хотелось вмешивать в нашу историю кого—то еще... Но, похоже, настал момент, когда в одиночку мне не справиться.

– У меня к тебе просьба, – я благоразумно отказалась от дружеских объятий, и Дана это поняла, – можешь послушать кое-кого и дать знак, если этот человек солжет?

Через полчаса Данари стояла в беседке откровений за черной ширмой для робких – или особо грешных прихожан, мнящих, что кусок бархата защитит от праведного жреческого гнева. Я восседала на циновке и ждала Смею.

«Ты правильно поступила, что позвала меня», – говорила подруга по дороге в храм, – «скажу больше – я бы тебе не простила, утаи ты от меня ТАКОЕ. Клянусь Солнцем, не простила бы!»

Ее поддержка значила многое, очень многое. Но я не переставала бояться. Достаточно ли нашей уловки для магов и жрецов, придадут ли они значение внезапной прихоти?

В арочном проходе уже белела мальда[4 - Мальда – храмовое одеяние] – жрица вернулась.

– Это мой юрист, из понятных соображений пожелавший соблюдать инкогнито, – начала я спектакль. В последние годы очень многие высокородные (и не очень) дамы взяли за правило иметь своего юриста, что записывал каждый их шаг, – все важные решения я принимаю в его присутствии.

Не знаю, обмануло ли это верховную жрицу, маскировка была рассчитана на других возможных свидетелей – стражу под иллюзией невидимости, например.

Верховная повторила все, что касалось вампиризма и моего сына. Я с замиранием сердца ждала условного чихания на ложь, но так его и не услышала – только тихий выдох, когда Дана не сдержала удивления.

Я подняла глаза к отверстию в куполе, из которого вырастал столб холодного осеннего света. В кое-то веки Фил не солгал.

Бросив взгляд на ширму, за которой тенью стояла Данари, я вознесла безмолвную молитву Солнцу. Только бы ее не зацепило случайной стрелой в политической войне снарров. Дана, конечно, осознавала всю ценность своего дара – для них, и соблюдала осторожность, но моя просьба могла поставить ее под удар. Нет, нет. Если жрице суждено что-то увидеть, она это увидит в любом случае – если верить храмовному учению, видения исходят от богов. Пока боги хранили Данари Вейден, и хорошо бы так оставалось и дальше.

Перед глазами встало лицо маленького Ленса, немного успокоив угрызения совести. Он совершенно незащищен, я не могла поступить иначе. Было бы полнейшим безрассудством довериться снарру из-за сладких слов и совершенной внешности – уж я-то знала, что за ними могло скрываться. И жрица... три года назад именно она подсказала, как излечиться от яда мантикоры. Наверное, поэтому я верила, что верховная никому ничего не скажет, даже если будет знать.

– Я принимаю предложение, запишите, – кивнула Дана через плечо и устремила взгляд на Смею, – когда оно вступит в силу?

Старуха понимающе, слишком понимающе улыбалась, словно давно разгадала мою уловку, но не имела ничего против.

– У тебя есть время на сборы до полудня, после Фил лично перенесет вас в Селестар с помощью кристалла.

Я понимала, почему он явится лично – никого другого я не знала и не могла проверить, что этот другой будет от него.

– Но ты же понимаешь, что, возможно, обрекаешь вас обоих на многолетнее заточение в стенах дворца! – вскричала Дана час спустя у меня в гостиной.

– У меня нет другого выбора.

– Ты можешь остаться там на всю жизнь, – с безжалостностью скальпеля лиронна Вейден продолжила озвучивать мои потаенные страхи.

– Если и так, – меня передернуло от ужаса, – нам должны позволить видаться на территории Селестара. Я не могу рисковать жизнью Ленса. Ты слышала, что сказала жрица!

Звуковая иллюзия на новом замке-артефакте в виде львиной головы оглушительно зарычала, прерывая зарождающуюся дискуссию и возвещая о приходе Лили. Ей с Бреттом я отправила голубя. Чтобы попрощаться.

Супруги Виллинс в форменных костюмах мастеров-погонщиков ворвались в дом ураганом. Про снарровы интриги они знали, после смерти Роба я рассказала все... потому между отправкой письма и приходом друзей прошло меньше четверти часа.

– Зато увидишь Селестар глазами снарров, – Лили, как всегда, старалась находить ложку меда даже в бочке с дегтем, – увидишь то, что никогда не дозvoлят простым мастерам.

– Будь осторожна, – только и сказал Бретт, и новый рев огласил дом от крыльца до чердака – пришел дед, а за ним Кора с Ленсаром на руках.

Признаюсь, раньше я была несправедлива, называя деда стариком. Для ученицы школы все взрослые – музейные экспонаты разной степени древности. Нет, Сэмверан Фрайт был широк в плечах и силен, как раньше – когда кулаком защищал непутевую внучку от выроdkов нижнего города. Нити седины серебрились в короткой бороде, но, судя по глазам Кору, ничуть не портили своего обладателя в женских глазах. Сколько ему лет, я не знала – дед всегда шутил, что помнит бывшего императора. В Снартари не принято выпрашивать возраст – вероятно, из-за почти бессмертных эльфов, чтобы лишний раз не подчеркивать разницу между нами и долгоживущей расой. И сейчас я дала бы ему не больше сорока, с молодой женой он будто сбросил груз прошлых лет, был оживлен и весел. Но не в этот раз....

– Сай, во что, ради Солнца, ты вляпалась?!

Дед рванулся вперед, сбросив руку Кору с плеча.

Я приняла сына из рук лиронны Фрайт и прижала к груди. Ленс серьезно смотрел своими каре-зелеными глазами с золотистыми крапинками – как же мне хотелось оградить его от жестокого мира со всей гхаровой несправедливостью!

Это был долгий рассказ... Непросто сказать близкому человеку, что он не смог тебя защитить. Спектр эмоций деда сменялся подобно буре за темными зрачками – не требовалось быть Даной, чтобы все понять.

– И кто этот Фил при дворе? – деловито осведомился Фрайт на новом этапе переговоров.

– Кто-то из Совета Двенадцати, – вспомнила я печатку, радуясь отходчивости родственника, – точно не маг, косы он не носит и пользуется телепортационными кристаллами.

– Я знаю всех великих лордов поименно, – Кора выступила вперед, и я припомнила, что в последние годы она увлеклась политической жизнью, – опиши его, попробуем разгадать твоего «Фила».

Я невольно залюбовалась бывшей лиронной Вейден – черноволосая сияла жизнью и больше не была тенью брата, что явно ее тяготило. Она выглядела человеком, который в полной мере находится на своем месте.

– Фил, как и все снарры, красив, – я проглотила ком в горле, – но у него нетипично теплый оттенок волос и зеленые глаза.

– Хм... – Кора свела брови, все взгляды устремились на нее, – мне нужно проверить семейные древа некоторых родов. Возможно, он не из Совета.

– Только члены Совета могут отдавать приказ верховной жрице, – задумчиво произнесла Дана, – Фил, должно быть, чей-то родственник.

– Мы это выясним, – мрачно пообещал дед, – к тому же он явится сюда сам, говоришь? Поглядим на подонка.

– Я не хочу вас впутывать! – перспектива встречи эльфа с моей, ни много ни мало, семьей пугала. За покушение на снарра казнили без суда и следствия, а дед мог не сдержаться... Да он уже смотрел так, будто мысленно распинал эльфа на жертвенном алтаре. А этого мне, несмотря на все доводы логики, хотелось меньше всего. Хватило трех лет неведения и страха, что он мертв. Сердце предательски екнуло, стоило вспомнить его изумрудный взгляд, полный тайны и безмолвного обещания, изгиб чувственных губ в полуулыбке, шепот из снов, настигающий в реальности...

– Можно повторить трюк с ширмой, – предложила Дана, и для остальных мне пришлось пояснить о сцене в беседке откровений.

– Неужели он не заметит ряды глаз в дверной щели? – благо мы не ридгийцы, таких пауков у нас не водится. Словно соглашаясь с моими мыслями, с насиженного места чихнул грифон.

– Мы будем тише мухоловки на охоте, – пообещала Данари со знанием дела.

Так вопрос был решен. Только сборы помогли удержаться от падения в панику.

В четыре женских руки мои вещи были упакованы и сложены посреди комнаты небольшой горкой, стрелки часового механизма верно приближались к полудню, когда окна очертила фиолетовая вспышка.

– Я проверю, оставайтесь на местах! – командный тон деда пригвоздил всех к креслам, но лишь на мгновение – друзья сорвались вслед за ним. А мне под ноги упал лазурный кристалл.

– Не спеши, – шепот коснулся уха, выбивая опору из-под ног, – бери ребенка, грифона возьми за ошейник, переносимся.

Мне дозволено взять с собой Гришу!

– Подожди, а как же... – синяя вспышка вокруг нас стремительно сужалась, – вещи...

– Гхар с ними, я тебя одену в шелка и золото.

Вокруг уже сияло золото – или то избыток солнечного света, обнимающего каждый предмет мебели в просторной круглой гостиной. Гриша тут же устроился на меховой шкуре у камина.

Нечего злиться из-за вещей, повторяла я про себя, против воли восхищаясь изящной работой селестарских мастеров. Энергия кристалла бесценна, а мои тряпки можно перевезти и вручную. Если останутся уместны для дворца...

– Ленс, это Селестар, – с сыном на руках я подошла к белому резному балкону, разрезающему море облаков подобно носу корабля. Ирисса лежала далеко внизу, остальная часть дворца плохо просматривалась из моей башни – будто и не было ничего кроме бесконечного пенного покрывала да синего неба. Пока я не знала, как к этому относиться. – Фил? – наконец набралась смелости и взглянула в лицо снарра, одетого по-эльфийски изысканно, не как в нашу прошлую встречу, – ты так боялся встречи с моей семьей, что решил уйти не прощаясь?

– Долгие проводы – лишние слезы, – эльф явно был доволен, – и, предвосхищая следующий вопрос – вы сможете видаться. Не сразу, но сможете. Почтовый ворон в той клетке, пиши хоть каждый день по роману.

Элитная почтовая птица действительно восседала на жерди и тут же подала голос, заставив вздрогнуть. Непривычно после голубей, но на тех воронов наверняка тонну заклинаний накладывают, чтобы даже стрела не сбила с правильного курса.

До чего здесь все другое. Камень, дерево... Двери, ведущие в смежные комнаты апартаментов. Надеюсь, там найдется костюм укротителя.

– Благодарю. Я смогу продолжить работу?

Эльф вскинул пшеничную бровь, и мне пришлось повторить вопрос – уже немало волнуясь. Когда Ленсару исполнилось полгода, я вернулась к любимому занятию и числилась в ариэтаре[5 - Ариэтар – команда погонщиков] придворного погонщика снарра Майлериса. Фил не мог не знать.

– Ты ни в чем не будешь нуждаться, – тон прохладнее на градус и снисходительный, как если бы я была малолетней дурочкой – а может, до сих

пор являюсь такой в его глазах, – зачем тебе это? Из твоих покоев есть выход в закрытую часть Садов, что только для тебя – предоставлю тебе виверну, да и с грифоном сможешь полетать без иллюзии.

Гриша никогда не выражал желания взлететь из-за магии ошейника – и из-за нее же вел себя как разнеженный кот, так что сейчас предложение снарра звучало верхом щедрости. Нереальной щедрости! И все-таки...

– Я люблю свою работу. Я хочу приносить пользу людям, общаться... – как он не понимает! – Жить как раньше...

На этих словах я и сама поняла всю бессмысленность своей просьбы, но надежда слабо трепыхала плавниками, пока вода не превратилась в изумрудный лед.

– Пока над нами висит угроза, о «как раньше» можешь забыть, – справедливые слова, но как больно, когда их вырезают на сердце, – тебе будут прислуживать две девушки. Они объяснят, что можно, а что нельзя.

И он ушел. Только взметнулись полы удлиненного белого камзола с мелкой золотой вышивкой. Ушел! Оставил меня на новом месте в одиночестве. Нет, с Ленсом и грифоном, конечно же, но вы поняли, о чем я. Нас разделяли три года разлуки, а он просто ушел. И чего я, собственно, ждала?

Надо было молчать про работу. Ведь ясно же как день, что появляться на людях опасно. Ридгийцы начали охоту. И стоило позаботиться о защите родных, а я все о себе да о себе. Эгоистка гхарова.

Чмокнув заснувшее дитя в нос, я пошла искать детскую. За первой дверью обнаружилась роскошная опочивальня – иначе не назовешь, за шелковыми занавесями цвета зари – деревянная люлька с периной.

Гриша устроился сам, задремав на облюбованном ранее ковре.

Короткий стук в дверь пробудил робкую надежду, пробившуюся сквозь страх— снарр вернулся!

Но нет, после моего одобрительного приглашения на пороге возникли две девицы в длинных воздушных платьях по эльфийской моде.

– Госпожа Сайерона, – они склонили по той же моде заплетенные темноволосые головы. Наритянские приграничницы, вроде Лили. Вот только Лилиенну я за годы дружбы научилась отличать, а эти служанки были для меня близнецами.

– Нас прислали Его Величество в Ваше распоряжение, – сообщила та, что с родинкой на правой щеке – вот так и буду их различать, – Я Макра.

– Вериенна, – подруге «родинки» не повезло щеголять эльфийским именем, как и мне.

– Очень приятно. Вы будете здесь прибирать? – без стеснения осведомилась я. Прислуги в моем новом доме так и не завелось – нянюшка для Ленса не в счет.

– Госпожа, – «родинка» потупилась, – я Ваша камеристка.

– Я няня, – пискнула Вериенна.

Камеристка – не слишком хорошая новость, я привыкла заботиться о своем туалете самостоятельно, но кто знает, какие наряды или прически придется носить. Няня порадовала больше. Хотя их поведение пока совсем не радовало – девушки тряслись от страха, боялись не угодить? Где вообще берут таких затюканных? Рабство в провинции Нари'и упразднено сотни лет назад, а эти словно прямиком оттуда.

– Присядете? – я пригласила Макру и Вериенну на мягкий угловой диванчик. Как две куклы, девушки синхронно сели и сложили руки на коленях, – хорошо. А теперь говорите, почему вы меня боитесь.

– Госпожа, – обе впервые посмотрели мне в глаза, и то лишь от неожиданности.

– Мы просто выражаем почтение... простите...

– Нашему магистру мы тоже почтение выражали, но как розолист на ветру не тряслись. Вы впервые меня видите, так в чем дело?

– В Вашем статусе, – наконец призналась Вериенна под моим особо настойчивым взглядом – по словам очевидцев, способным раскалывать грецкие орехи, – нам впервые доверили прислуживать столь знатной особе... такая честь...

Это я знатная? Насмешили гхарову шкуру.

– Не обессудьте, ежели чего, – быстро добавила Макра и отвела глаза, – Вы фаворитка его Величества, мы простые служанки.

Хорошо, что обе снова потупились, потому что челюсть я подобрала не сразу. Веселая бы картинка им предстала. Но правильный ответ нашелся быстро – молоденькие дурочки что-то со страху напутали. Таких благообразных выпускниц пансиона за лигу видно, но нельзя же быть настолько... раболепными.

– Вериенна, – обратилась я к темнокожей без родинки, и та испуганно вскинула большие глаза глубокого кофейного цвета, – ты можешь идти.

– Но как же...

– Это приказ.

Она покинула комнату, пятась и кланяясь, сложив руки у груди. Вот же ее надрессировали, и вторая была не лучше. Оставшись одна, приграничница лишилась последней поддержки и, кажется, была на грани обморока.

Отдав Грише ментальный приказ следить за колыбелью, я поманила девушку за собой. Большая круглая гостиная имела пять дверей, и я толкнула первую попавшуюся, открывшую проход в белокаменный коридор.

– Что там? – разумеется, я могла исследовать покои самостоятельно, но требовалось отвлечь свою «жертву» и успокоить, введя ее в привычные условия. Так нас учил Карлион по отношению к вивернам, но с людьми должны работать те же законы.

– Там сад, госпожа, позвольте?

Я кивнула, она потянула на себя тяжелую дверь. В ноздри ударил одуряющий аромат розового сорта циклоний, что считался особенно модным среди дам всех сословий в нынешнем сезоне. У Лили насчитывались целых три драгоценных бутылочки. Но духи духами, а настоящие живые цветы ценились куда дороже. И тут их было не счесть... Они обвивали колонны, змеились по заграждениям у крутых каменных лестниц. Фил хотел меня поразить? Или во дворце это типичная вещь?

Конечно, лестно думать первое, но... даже в этом случае не стоит радоваться раньше времени. Если хотел уделить внимание, то почему ушел быстрее, чем студиясы из аудитории после звука гонга? Впрочем, разглядывание сада настолько меня увлекло, что мысли о снаре ненадолго меня оставили.

Помещение был трехъярусным – на каждый вела лестница, жмущаяся у стены из грубого камня. Прямо на стенах, так напоминающих скальный пласт, цеплялись орхидеи и другие растения, коим я не знала названия. Посредине лиственного великолепия сверкал бликами рукотворный бассейн с водопадом. Наметанным взглядом я оценила пространство и уютные лужайки для грифона. Пожалуй, здесь Гриша смог бы снять ошейник и впервые взлететь...

Также от меня не укрылось неприкрытое восхищение Макры. Значит, даже для верхнего дворца это зрелище не из рядовых, и в Селестаре меня приняли как знатную особу. Не удивительно, что прислуга приняла за фаворитку или кого там еще.

– Макра, это тебе, – из бархатного поясного мешочка я достала золотой, – будешь служить верно, не обижу, – словно приручаю пугливую лиграссу, похищенную в яйце на далеких островах.

– Благодарю, госпожа, – блеск в кофейных глазах подсказал, что я поступила верно. Теперь пора перейти ко второму шагу. Только бы не ошибиться...

– Пойдем, тут так красиво, – жестом я пригласила девушку к водоему и, расправив юбки, первая присела на плоский камень в окружении листвы, – хочешь жить в таких покоях?

– Что Вы, госпожа... Солнце справедливо дарует свои блага... – Макра осеклась и засмушалась, как на смотринах невест.

– Но ты же хочешь, чтобы в твою сторону оно светило ярче? Не бойся, все хотят. И ты можешь получить желаемое, если будешь мне преданна. Только мне.

Три года назад Фил предлагал жизнь взамен на подлость, а служанка из Нари'и готова вручить верность за мешок денег. Если человек способен продаться, это его и только его проблемы, а мне просто необходима поддержка в чужом огромном дворце. И все же... Прекрасная роза правды колола шипом.

– Приказывайте, госпожа, – с таким взглядом, за которым слепая преданность, и убивать идут. Невидимый шип втянулся обратно, будто его и не было. Хорошо бы собрать под собой побольше таких, как Макра – чтобы поменьше осталось способных навредить.

– Пока... просто развлеки меня, – придала лицу самое легкомысленное выражение, – Мне скучно.

– Но как, госпожа? Только скажите.

– Давай поиграем. Я загадываю кого-то, а ты должна догадаться о его личности по описанию из трех черт. Не отгадаешь – исполнишь мое желание.

В школе укрощения девушки частенько загадывали парней, а проигравших отправляли их целовать.

– О, я знаю эту игру! Я готова!

– У него изумрудные глаза, пшеничные волосы и... золотая печатка.

Не похоже, чтобы снарр когда-то с ней расставался.

– Это слишком просто, госпожа, – наритянка с облегчением улыбнулась, – Вы загадали Его Величество.

– А вот и нет! – кажется, Фил все же в родстве с высшей знатью, потому придется пойти другим путем, – ты проиграла и должна провести меня на аудиенцию императора. Но так, чтобы ни он, ни стража ни о чем не догадались.

Мне необходимо увидеть прославленного государя. Если Фил с ним в роду, если будет с ним разговаривать, это даст... информацию, для начала. О том, в каких они отношениях, а там недолго выяснить его личность.

Но противный внутренний голос твердил, что я просто ищу встречи со своим старым знакомцем. Гхар побери, я действительно хотела его увидеть! Прошло меньше часа, но нетерпение грозило достичь критической отметки.

Нет, это все потому, что от него зависит судьба Ленса. Только поэтому!

– Пойдемте, госпожа. У нас на юге нанесение макияжа возведено в ранг искусства. Опытный мастер способен нарисовать на вашем лице совершенно другое лицо, верите?

– Рисуй, – махнула я рукой, и мы с некоторым сожалением покинули сад, чтобы вернуться в гостиную и через нее пройти в будуар.

Кремовый будуар, смежный с опочивальней, поражал роскошью – но не помпезной, а почти по-домашнему уютной. Макра жестом спросила разрешения повернуть мое кресло спиной к зеркалу.

– Для лучшего эффекта, – пояснила служанка доверительно.

И ее руки запорхали над разноцветными баночками, почти невесомо касаясь кожи беличьей кистью. Затем она взялась за прическу и, судя по ощущениям, что—то по—снартарийски плела.

– Теперь можно смотреть, – торжественно объявила Макра – наконец из ее голоса полностью ушел животный страх – и развернула кресло назад.

Я ахнула. С помощью грима, теней и прочих приспособлений нарядная умудрилась изменить овал лица, сделать нос тоньше и длиннее, а губы уже. Разрез глаз стал по-северному размашистым. Но если Дане эта черта придавала очарование, то мое новое обличье было совершенно... обычным. Пройдешь мимо такого и через секунду не вспомнишь. То, что надо!

– Подождите пару минут, госпожа, принесу подходящие одежды.

– И Вериенну позови, чтобы приглядела в детской.

Не хотелось оставлять ребенка на незнакомого человека, но в присутствии грифона можно было не волноваться, что Ленсу причинят вред. Вериенной я займусь позже, а пока... Пока...

– Позвольте, помогу, – принесенное платье из серого сукна со скромным вырезом у шеи и длинными рукавами подходило бедной горожанке, какой я была еще не так давно.

– К императору целая очередь просителей, два дня в декаду он принимает и бедняков, – в низком голосе девушки проскочило восхищение, – Вас никто не узнает. Пойдемте, проведу в тронный зал.

Так вот он какой, тронный зал Селестара. С детским восторгом я взидала на ожившую гравюру из дедовой книги – темный пол, обозначенный в моей памяти штриховкой, оказался из черного фаргонского мрамора, редчайшего на земле Ниариса. Белые прожилки ветвились огромным безлистным деревом до самого трона, пока пустующего, и не отпускали взгляд. Закатный отсвет из огромных стрельчатых окон прошел волной, сменив образ – мрамор стал обсидианом, покрытым трещинами. И если присмотреться, можно было увидеть пламя, вырывающееся сквозь эти трещины из недр. Будто испугавшись подступающих сумерек – или моего разыгравшегося воображения – на стенах сами собой зажглись факелы.

Гхар! На миг меня ослепило, но затем зал утонул в золотом свете, так что даже серые платья и робы просителей показались белее. И тут я увидела... их. Металлические статуи в нишах, принятые мной за статуи, были големами! Мать их, големами! Как вчера, один из этих обманчиво недвижимых монстров разорвал участника Джерсовых скачек. На части. Время не успело обтесать и как-то сгладить неприятное воспоминание, оно было четким, как лицо Макры в локте от меня. А то и ближе – нас все больше теснили прибывшие.

– Госпожа, Вам душно? – глаза служанки обеспокоенно заблестели. Принимает меня за хрупкую высокородную леди?

– Нет, все в порядке. В полном, – я глубже вздохнула – не дело показывать свою слабость, даже если ее причина никому не видна.

– Кроме меня, големы никого не смущали – простые люди не знали, кто их истинная стража. Алебардисты при входе, готовые скрестить свое оружие перед нежеланным гостем, были для отвода глаз. Клянусь Солнцем.

Скоро немаленький зал набился народом, как рыбацьи сети форелью.

– Здесь пол-Ниариса? – даже главной площади среднего города я не видела столько горожан сразу. Хотя... насчет горожан, похоже, поспешила с выводами. Многие были крестьянами. Удивительно, что их пропустили во дворец в их запыленной одежде, – Они издалека? – чтобы посекретничать с приграничницей, больше не требовалось наклоняться. Нас и так зажимали плечом к плечу.

– Со всей империи. Кто-то добирается месяц, но это малая цена за императорскую милость. У кого-то наместник незаконно повышает налоги, где-то городские власти замалчивают проблемы. Простые не приходят сюда без крайней нужды, госпожа.

По логике вещей, да. Ведь их просьбы должны решать наместники. Получается, император – последняя инстанция. Последняя надежда.

Двери в тронный зал начали смыкаться, отрезая от нас жаждущих – тех, кому сегодня не повезло. Меня уколола совесть – я заняла чье-то место, просто по глупой прихоти, от скуки.

Толпа заволновалась.

– Сейчас начнется, не пугайтесь.

Я не успела спросить, чего должна испугаться, как свет беззвучно погас – будто накрыла слепота, но почти сразу снова начал разгораться, пока не заполнил собой зал, как раньше.

На возвышении перед толпой теперь стояли три стола, за которыми с перьями наготове восседали седовласые мужи в белых камзолах. Даже на расстоянии

видно – не эльфы. Напрасно я надеялась увидеть... да сколько можно думать о проклятом снарре!

– Три секретаря ведут запись приема, – едва слышным шепотом поспешила поделиться Макра, – одновременно. Когда все заканчивается, их записи сверяют маги, чтобы никто не изменил текст указа – по чьей—то просьбе, например, или не вписал что-то для своей выгоды.

– Хитро придумано.

Интересно, насколько может затянуться мероприятие? Спросить я не осмелилась, потому что появился снарр. Церемониймейстер.

– Его Императорское Величество, Феликс Двенадцатый Сияющее Солнце, из рода Элвелоров, долгожданный и вернувшийся, Владыка снарров, людей и малых рас, хранитель древней земли Снартари.

Я аж поперхнулась – как у мужика язык в трубочку не свернулся от такой речи. Ах, ну это же снарры, у них они без костей.

Людское море передо мной заволновалось, и я поспешно последовала примеру остальных – упала на колени, опустив голову. В висках стучал пульс, и отчего-то все убыстрял свой ритм, как барабаны кочевников. Когда все стали подниматься, сердце было готово вылететь из груди. Нехорошее предчувствие? Со мной никогда подобного не случалось. Напротив, даже в сложных ситуациях, когда однокурсники пасовали, я сохраняла холодную голову. Что же происходит сейчас?

Я не делаю ничего предосудительного, совершенно ни-че-го! и весьма мала вероятность, что прямо сейчас на меня укажет перст императора. Но хотелось спрятаться за чужими спинами, как робкой ученице – жаль, что по-людским меркам я довольно высока.

Но пока гром не разразился, и я вместе со всеми, в каком-то тумане устремила взгляд вперед.

Золотая мантия покрывала плечи императора, расправлялась за спиной как огромные крылья и уходила далеко вниз, по всем двенадцати ступеням, на которых стоял трон. Вместе с короной из переплетенных золотых ветвей Феликс Двенадцатый даже сидя – расслабленно, положив руки на подлокотники, внушал трепет. Если бы бог Солнца спустился к своим почитателям, то он был бы именно таким. Наверное. Будет что Коре рассказать, если когда-нибудь свидимся. Я видела самого императора! Ну, почти. Лица в таком отдалении, как ни силилась, так и не смогла рассмотреть.

– Мы можем подобраться ближе? – любопытство и банальное тщеславие затмили страх. Что обо мне подумает прислужница, считающая меня фавориткой владыки, волновало и того меньше.

– Попробуем, – Макра заняла позицию полубоком, выставив острый локоток – благо мы были не единственными, кто пусть и по другим причинам стремился оказаться поближе к Его Величеству. В зале наметилось уже несколько таких «подводных течений».

– Мои подданные, – начал император глубоким, хорошо поставленным голосом, и я споткнулась на месте. Да проклянут меня Луна и Солнце, если он мне незнаком! – приветствую вас под сводами справедливого Селестара.

Совершенно точно слышала. Только где и когда – не могу понять. Давно забытое чувство, когда взрослые водят за нос, утаивая очевидную истину.

– Многие из вас проделали долгий путь, – влекомая служанкой, я машинально переставляла ноги, не в силах контролировать еще и их – все внимание поглотил голос, властный и убеждающий в каждом своем слове. Император говорил, и в измученных глазах пахарей зажигалась вера. Что они пришли не напрасно, что их услышат... спасут.

– Отсюда видно лучше, – голос приграничницы резанул досадной помехой. Мы остановились, я подняла голову.

И тут... опора ушла из-под ног. Живя, каждый выстраивает вокруг себя мир – или мирок? – на прочном фундаменте нерушимых истин. И плохо, если его расшатывают сомнения. Но мой попросту разошелся на два полюса, как старая рванина, как разводной мост, а я ухнула в бездну. Пшеничные волосы,

отливающие золотым, изумрудные глаза – его глаза. Фила. Феликса. Шантажиста. Спасителя. Интригана. Законного императора. Опасность. Надежда. Жесты, фразы, воспоминания, щедро перемешанные встревоженными лицами вокруг – все кружилось и кружилось, пока меня затягивало на дно.

Мой тщательно выстроенный мир рухнул, окончательно и безоговорочно. Я падала, голоса стихали, и только один вопрос звучал ясно, как ранее голос владыки. Что ждет меня в новом мире, когда приземлюсь?

Глава 4. Феликс, или Муки и средства от них

Третий и девятый день декады традиционно дарили успокоение. Примерно как общество верховной жрицы, умеющей ненадолго снимать тяжесть с души. Отец бы не понял, но он даже не пробовал последовать примеру Алиссана и выслушать простой народ. Выстроить мост между ними и собой, позволить им показать себя. Отголосок чужой радости грел мой давно остывший эйши, и это стоило многочасовых приемов.

А с сугубо практической точки зрения «доносы простолюдинов» выявляли неверных среди верхушки. Так навывяляли, что подземные казематы ныне переполнены. Устроить, что ли, серию показательных казней? На центральной площади среднего города, с големами в роли палачей. Уверен, желающих нажиться на казне Снартари резко поубавится.

...Как и желающих избавиться от императора. Даже хорошо, что у меня нет родни и близких, через которых мне могли бы навредить.

Не было до сегодняшнего дня. Я собственноручно вогнал себя в яму, приведя во дворец Сай с ее вампиром. Совет уже знает и выражает беспокойство. К големам совет и его заговоры. Я иду по верному пути и никому не позволю сбить меня с него.

Нет, я сам себя слышу? Где правильный путь? Как в старых сказках – налево пойдешь, счастье потеряешь, направо пойдешь – страну.... В одном Клерии

права – вампир потенциально угрожает империи. А ридгийцы меньше? Нет, для успокоения мне не обойтись народными приемами и вечерами со жрицей.

Рука привычно нащупала тайный карман за шелковой подкладкой камзола. Несколько гранул мерцающей соли[6 - Мерцающая соль – наркотик] помогут. Ненадолго.

Как же прав был настоятель, когда предупреждал о душевной боли. В полном отсутствии боли физической душевная ощущалась сильнее. Не только своя, чужая. Верно, потому я и выслушивал каждого деревенщину – их ликование приглушало мою боль.

«Иногда я жалею, что обучился у призрачных», – обронил в одной из бесед со Смейей.

«Иногда», – только и сказала верховная, донеся весь смысл одним словом.

Гораздо чаще я был убежден, что так было правильно. В юности я подвергся пыткам и сделал все, чтобы случившееся не повторилось, чтобы на меня не смогли надавить, используя боль как рычаг.

Вот только нынешняя боль в груди сводила с ума не меньше заклинаний мучителя. Тогда агония чередовалась с затишьем, теперь затишье вызывал я сам, и один из способов лег мне на язык. Чуть сладковатая гранула – первая, вторая. Третья вызовет желание быть с женщиной, мне это ни к чему. Лучше бы вместе с физической болью отрубило и остальные чувства, Сайерона три года была ноющей занозой у меня... везде. Простая смертная, кому сказать. Отец бы посмеялся надо мной – снова те же грабли. Нет, я не был одержим своей первой женой, она мне нравилась... как юнцу нравится красивая женщина, как любая красивая женщина, но не более. Сай не любая. Она сама так сказала, еще не подозревая, насколько права.

Наркотик начал действовать, приводя ритм сердца в норму. А что, если я сам создал свою одержимость, изначально запретив себе даже смотреть на смертную? Да, будь она первой, кого я увидел после монастыря, то понял бы.

А ведь я прав. И не прав. Все вместе. Я создал одержимость, потому что запретил думать о девушке, в которой почувствовал опасность для своего

сердца. Сай имела потенциал, и я его развил.

Знаю, что забуду все до последнего слова из приходящего под влиянием соли. Эти слова не беспокоили – они скользили бликами по гладкой поверхности моего спокойствия. Пусть.

Сжал в кулаке цепочку с кристаллом, чтобы перенестись в покои из опустевшего зала, когда услышал шаги Клериен.

– Мой император.

Была в том повинна усталость или действие кристаллов, но я совершенно не удивился дерзости снаррит – просто отстраненно знал, что удивлюсь и разгневаюсь позже.

Ладонь советницы легла мне на запястье и двинулась выше. Эльфийка никогда не позволяла себе подобного – даже мысли не приходило, что она поступится почтительностью и страхом из-за чувств. А от самого их наличия я несколько опешил. Впрочем, соль сделала из меня экспериментатора. Почему бы не попробовать впустить в свое сердце ту, что всегда сможет быть рядом, сможет разделить долгую эльфийскую жизнь?

Телепортационный кристалл упал на ступени, рассыпаясь снопом синих лучей.

Спустя пару часов я сел на постели, и рука советницы соскользнула с моего плеча, как рука падающего в пропасть. Она боялась. Я видел в ее глазах – боялась как огня, что недавно полыхал между нами.

Правильно, что боится. Клериен умна, раз опасается расплаты за то, что воспользовалась ситуацией. Она видела, что я принял соль. На что же надеялась? На то, что потеряю голову? Опрометчиво.

Эльфийка подтянула к груди расшитое покрывало – не из кокетства, в бессознательном защитном жесте. И почему-то именно он притушил гнев. Эта женщина не любила меня – иначе не боялась бы сейчас, но каждый имеет право на глупость. Даже если эта глупость – не любовь.

– Все в порядке, Клер. Ничего не было, – и больше не будет, добавил я про себя.

На узком лице мелькнула тень облегчения, снаррит скользнула за ширму с ворохом брошенных юбок.

– Да, и не забудь выпить настойку, – если Клериен надеялась понести, то напрасно, – покинешь покои с одним из моих кристаллов, – только с ними, специально заговоренными, она могла телепортироваться от меня, – а завтра поговорим.

О том, что более не является моей советницей? Нет, отвергнутая женщина страшнее чумы. А уж вдвойне отвергнутая... Немного остыв, я принял решение не рубить с плеча, а время от времени подбрасывать поленья в костер ее надежд. Чем бы ни руководствовалась пока еще союзница, я должен знать все.

А так хочется иногда не знать ничего, или хотя бы на время погрузиться в забвение, но сны принесут лишь боль. Новое видение будущего на руинах селестара, где эльфийская вечность обратится пеплом. Надо навестить вампира. Убедиться, что он все еще дитя? Удостовериться в его безопасности? Завтра на совете ковена предстоит непростой разговор, по сравнению с которым объяснения с Клериен – детские игры.

Не прибегая к помощи камердинера, готового ринуться с поста у дверей по первому зову, я принял ванну и облачился в традиционную эльфийскую одежду, подходящую как императору вне церемоний, так и любому лорду. Раз Сайерона закрывает глаза на очевидное, то мне не жалко. Даже лучше – хоть кто-то видит во мне не титул, а меня как есть.

Немного поразмыслив, приказал распорядиться о немедленном ужине на двоих.

Я сказал, что хочу удостовериться в безопасности вампира? Нет, это просто повод не признавать, что соскучился. За одни сутки сильнее, чем за три года. Она рядом, в этом все дело.

Скоро явились присланные служанки с большим золоченым подносом и приступили было к сервировке, но я их отослал и, взяв поднос за обе ручки, извлек из бархатной сумки новый кристалл.

Что поделаться, если только мысли о Сайероне могут прогнать тягостные видения, если только они смывают миллионы разных чувств, налипших ко мне за день. Если только они обрывают хитросплетения вероятностей в моей голове, грозящих запутать и окончательно свести с ума.

Мысли о Сай – это просто мысли о Сай, понял я со смесью радости и опасения. Все другие, доставляющие боль моему эйши, уходят, но с этим лекарством надо обращаться осторожно и принимать дозированно. Возможная зависимость от Сайероны – как от мерцающей соли, опасна.

Но это не значит, что стоит полностью отказываться.

Глава 5. Сайерона, или Грабли и дрова

– Много народу – мало кислорода, – доносился до уха знакомый голос, не чуравшийся вернуть новомодные словечки. Макра, хлопчет надо мной, – госпожа!

– Как ты притащила меня обратно? – я возлежала на большой полукруглой софе в уже знакомой гостиной и обводила ее взглядом. Люлька была пуста, – Ребенок? – сердце в страхе подпрыгнуло к горлу.

– С ним все в порядке, госпожа, – Вериенна с Ленсом на руках – так и хотелось вырвать его из них, подошла и почтительно склонила голову.

– Тем же путем, госпожа, – ответила Макра, – знакомый стражник подсобил.

Хорошо с одной стороны, а вот с другой – мой дом не такая уж и крепость. Надо бы и стражника сманить на свою сторону.

– Благодарю, – подтвердила слово золотом и отправила девушек прочь.

Наконец прижала Ленса к груди, Гриша лег у ног. Стало легче.

Ну теперь понятно, почему меня посчитали фавориткой императора. Если именно император привел меня во дворец. Интересно, это он пустил слух прикрытия ради, или придворные сплетники постарались?

Ленсар недовольно заворочался – мои руки слишком сильно дрожали.

Император. Император. Император! Феликс Двенадцатый. Тот самый истинный владыка, что вернулся из... добровольного изгнания? Так, если не ошибаюсь, говорят талмуды. Я бы могла спросить его лично.

Нервный смех сотряс меня с ног до головы. Интересно, сколько раз меня могли бы арестовать за оскорбление Его Величества? Дайте-ка подумать. За обвинение во лжи? За нарушение субординации? За покушение на убийство?

А еще я знала грязные тайны императора, и уже потому должна была опасаться за свою жизнь. Нет, это вряд ли. Фил, то есть Феликс, ничего мне не сделал за три года, да и жрица подтвердила, что он хочет помочь.

Но как бы то ни было, я в его полной власти. Не просто эльфа (хотя слово «просто» слабо сочетается с «эльфом»), а самого повелителя Снартари. Бога во плоти для народа империи.

Что бы сказала Кора, узнав о его шантаже? А о том, что я пила его кровь? Или, еще лучше – видела эротические сны с его участием? Не удивлюсь, если с дедовой женушкой это у нас общее. Да нет, я тут же устыдилась, Кора такими глазами смотрела на Фрайта, что сомнений быть не могло. Она даже как-то говорила, что некоторые мужчины как хорошее вино, с годами становятся только лучше. А снарры?

Не о том я думаю. Не должна я вспоминать лицо... Феликса в дюйме от моего, у колонны. Не должна вспоминать, как касалась губами его руки. Давно стоило забыть, но словно какая-то магия этому препятствовала.

Наверно, все дело в нашей старой связи. Той самой кровной связи, из-за которой на Ленса пало проклятие. Из-за которой я должна его ненавидеть, но не могу.

Да он убил меня – пусть и я ответила ему тем же, под влиянием крови, но убил и превратил в марионетку. Только верховной жрице Смее и талантам Даны с Рином я обязана жизнью. Но что это была за жизнь... Словно я выжила, но очнулась беспомощным калекой. Нет, я не повредила рук или ног, я так же ходила и говорила, как раньше, вот только сердце разучилось чувствовать в полной мере.

А он... император. Ростки еще неосмысленной надежды оказались придавлены тяжестью короны. Простая смертная, скрывающая уродство под иллюзией, и практически бессмертный правитель империи – какой финал этой истории? Смешно до колик в животе.

Да, Ленс. Надеюсь, тебя он спасет. «А вот мне уже ничто не поможет».

Голубоватое сияние от кристалла телепортации заставило вздрогнуть. Положить сына в колыбель, отдать грифону-волкодаву ментальный приказ, взять первое попавшееся под руку – вот только ничего не подходило.

«Фил» не предупреждал, что кто-то может телепортироваться. Или это он? Решил почтить своим присутствием? Если император тратит на меня драгоценное время, то причина весома. Только не плохие новости про Ридгийцев или что-нибудь в этом духе. Только не приговор Ленсару.

Сияние поблекло и рассеялось, из затухающего круга выступил Фил-Феликс. Я не смогла сдержать судорожного вздоха. Ни мантии, ни короны из золотых ветвей, но это был он. Две картинки наложились друг на друга, я чуть пошатнулась от внезапного головокружения. Перед собой снарр держал огромный крытый щит – плохой знак.

– Добрый вечер, Сайерона, – он прошел на террасу и под моим пристальным взглядом опустил щит на круглый стол, – подумал, что ужинать в одиночестве скучно. Ты же не против?

Ужинать?! Он пришел поужинать? И принес... поднос, конечно же. От резко отпустившего напряжения руки стали будто тряпичные, а желудок уже приветственно отозвался на запах жаркого.

– Добрый... вечер, – «мой император». А если он понял, что бороться бесполезно и решил тихо убрать меня? Уверена, в императорских закромах целая коллекция фиалов на все случаи жизни.

– Ты не похожа на себя, – он подошел и протянул руку, словно для того, чтобы развернуть меня за подбородок, но передумал, и рука упала вдоль тела, – один день в селестарском заточении так на тебя повлиял?

Против воли я начала оценивать свой внешний вид, новое платье из гардеробной комнаты, в которое переделалась после сегодняшнего «приключения». А вот волосы заплести не успела... Расчесала, и то хорошо. С каких пор я придаю такое значение внешности?

Феликс ослабил высокий белый воротник, расстегнув золотую пуговицу.

– Или тебе не угодили служанки? Скажи, пришлю других. Сай! Еще немного, и я подумаю, что ты – не ты, и буду проверять на иллюзии.

Тон был шутливым, но в нем проскальзывала едва заметная угроза – как в боевом танце императорских гвардейцев по праздникам. Мол, мы ни на кого не нападаем, но знайте, в случае чего...

Меня спас, как ни странно, все тот же желудок, красноречиво пробурчав нечто невнятное. Император галантным жестом подвел меня к обеденному креслу, предварительно его отодвинув.

– Что ж, разговоры после еды, ты права, – и взял вилку, подавая пример.

Первые две минуты я просто поглощала вкуснейшее мясо с овощами, но после взгляд нет-нет да возвращался к эльфу за столом напротив. В янтарном свете маголамп, обвивающих колонны гирляндами, под глазами снарра залегли тени. От усталости? Сколько часов к ряду продолжался прием? А сколько дел было у императора до приема? Я могла только гадать.

И он точно не ел все это время. Я, конечно, три года не видела своего кукловода, но тогда он куда сильнее дышал здоровьем. Сейчас он был машиной, работающей на пределе. Мне должно быть все равно, все равно...

Но первый голод был утолен, и воздух сгустился, как тучи перед грозой.

Как назло, Ленс не спешил просыпаться и оглашать комнаты криком, на которые сразу прибежала бы Вериенна.

– Сайерона, – император разлил по чашкам ароматного чаю, – эльфийское вино не предлагаю, знаю, что ты откажешься. Хотя соблазн был велик.

– Благодарю, – я потупилась, рассматривая в чашке свое отражение – простая человечка, на которую тратит время сам император. Что он разыгрывает? Зачем? Версию с ядом я уже отбросила как непригодную, мы брали еду на тарелки из общих блюд, но страх поневоле завладевал каждым уголком сознания, по мере того как я приходила в себя и отогревалась. Раньше я так же была во власти Фила, но смутно верила, что есть некий божественный император, способный остановить возможный произвол моего «благодетеля». А теперь... Стоит Феликсу щелкнуть пальцем, как я буду обязана сделать все, что он пожелает. О боги....

Съеденное мясо встало колом, и я схватилась за живот.

– Сай, ты в порядке? – повелитель Снартари мгновенно покинул свое кресло и уже склонялся над моим плечом, – если нужны зелья от изжоги, у меня есть с собой.

– У снарров бывает изжога? – я даже позабыла про свой страх – близкое присутствие эльфа смешивало мысли.

– О физиологии снарров охотно просвещу, если на то будет твое желание, – теплое дыхание на миг коснулось уха, – но после того, как тебя осмотрит лекарь.

– Не нужно, правда! – мало того, что фраза о «физиологии снарров» прозвучала двусмысленно, так еще и некий лекарь за компанию с императором будет просвещаться моей физиологией? Ну уж нет, гхара лысого!

– Вижу, тебе уже лучше, – по четко очерченным губам снарра пробежала улыбка, и эльф занял свое место – куда медленнее, чем покидал его. Но некая незримая нить, что сплела меня от ушей до пяток в его присутствии, никуда не

исчезла. Мыслям вернулась свобода, но страха, того панического страха больше не было.

И тут я рассмеялась. Громко, безудержно. До колик в животе и брызжущих слез. Останься страх – и я бы непременно подумала, что меня примут за сумасшедшую, упекут в казематы, вышлют за пределы империи. Но накопленное напряжение просто искало выход – и нашло.

Остановилась я, только начав захлебываться соленой влагой.

– Все хорошо, – безопасный кокон стал плотнее, и я поняла, что вокруг вполне ощутимое тепло. Тепло чужого тела, – Сай, все хорошо, я рядом.

Осознание того, кто именно рядом, меня отрезвило.

– Простите...

– А ну-ка, – он заставил взглянуть ему в глаза, и я затрепетала, как рыба, угодившая в сеть, – что ты сейчас сказала?

Сердце упало – я выдала себя с головой. Если не показывать своей осведомленности, укрыться от правды одеялом, глядишь, будто и нет ее. Но с другой стороны, сколько можно прятаться?

– Простите за слабость, мой император, – на последних словах мои глаза все-таки малодушно закрылись. В темноте сердце отбивало бешеный ритм. А еще я слышала учащенное дыхание. Свое, его.

– И откуда ты узнала? – по счастью, тон Феликса не изменился, лишь голос слегка охрип, – только сперва открой глаза. Неужели я настолько тебе страшен?

– Увидела в парадном облачении, – только и смогла пискнуть я. Где та бесстрашная Сай, что не побоялась выкрасть яйцо грифона? Что рискнула заявиться на скачки Джерса и смогла победить? Да хотя бы та авантюристка, что несколько часов назад...

– Пробралась в тронный зал, – эльф сложил дважды два, – понимаю, что тебе скучно, но если подобное повторится, – солнечное море в его глазах стало стремительно замерзать, – если подобное повторится, ты больше не выйдешь из покоев. Служанки будут доставлять необходимое телепортацией. Ты поняла меня?

Под этим ледяным взглядом не верилось, что руки того же эльфа могли отогревать. Я резко повела плечами и выпуталась из объятий, более напоминающих тюремные тиски. Нет, «выпуталась» – громко сказано, снарр ничуть не воспротивился моему движению и вернулся к чаю.

Ему даже не требовался ответ, он и так был убежден в неоспоримости своих приказов. «Но что, если его приказ разумен? В тронном зале, где тысячи людей, меня могли убить, похитить... Но я об этом не думала, потому что надеялась увидеть... Его. Глупая».

– Наверное, мне следует тебя поздравить, – вспомнилось «нехорошо держать императора под дождем», – ты достиг цели. Так или иначе.

– С твоей помощью, ты хотела сказать? – он почти перегнулся через стол, чтобы поймать мою руку, – я уже приносил извинения, и готов повторить их сотню раз, но они бесполезны, не так ли?

Ответить было нечего. Что не прощу за сына? Или что забываю про все, когда его пальцы касаются моих? Нежнее бархатной обивки кресел. И чем дольше длилось молчание, тем тяжелее было дышать.

– Ты пришел, чтобы поддерживать мое прикрытие?

– Что? – даже удивительно видеть растерянность на строгом, совершенном лице снарра.

– Ну, прикрытие... – я покраснела как помидор, – служанки считают, что я твоя... фаворитка. Поэтому ты пришел, чтобы все продолжали так думать?

– Нет, – теперь его удивительные глаза смеялись, – я пришел потому, что хотел провести время с тобой. Без всякой задней мысли. Фаворитка, говоришь? – он

наслаждался моим смущением, – помню пугливого кузнечика, что прыгал от меня как от огня. Слава богам, никто в Селестаре об этом не знает.

Тепло его руки переросло в тот самый огонь, стоило вспомнить давнюю угрозу эльфа поцеловать. Тогда он был недоволен, что я хотела подарить первый поцелуй Роббу. И тогда на нас рухнула статуя... императора!

– Это ты чуть не убил нас с Роббином! – тень умершего друга, моего всегда верного и всепрощающего мужа встала рядом. Догадка меня поразила, – собака на сене, вот ты кто.

Феликс сжал мою руку чуть сильнее. Но, как ни странно, забирать ее не хотелось – напротив, пульсация нашего общего тепла источала спокойствие. Просидела бы так вечность, размышляя о прошлом, будущем и настоящем, или ни о чем не думая вовсе.

Или это особая императорская магия? Я про себя улыбнулась.

– У тебя замечательная улыбка, – вскинула глаза на тихий голос, – улыбайся почаще.

– И это говорит тот, кто не давал повода для улыбок, – прошипела змеей, заставляя себя вспомнить все нелицеприятное, что произошло со мной по вине снарра, – но за ужин спасибо, – губы все-таки предательски растянулись, как бы я их ни кусала.

– Пройдемся? – не размыкая контакта, Феликс вывел меня из-за стола. При этом наши руки выгнулись аркой, будто в фигуре танца, – тебе понравился сад?

– Да, – вылетело прежде, чем я придумала колкость.

– Вечером он особенно прекрасен.

И вскоре я поняла почему – повсюду в листве перемигивались светляки. Они же танцевали над зеркальной поверхностью искусственного озера и выныривали из облака от водопада, отчего оно отсвечивало то золотым, то сиреневым.

– Это магия? – от восторга перехватило дыхание.

– Всего лишь иллюзия, – в темноте я не видела, только чувствовала, как его вторая рука заправляет мои волосы за ухо, небрежно следует контурам платья, и на мгновение мне показалось, что горячие губы коснулись шеи. Хорошо, что волосы на затылке не могли вспыхнуть в буквальном смысле, – просто магическая иллюзия, а ты... ты настоящая.

Теперь не было сомнений – снарр меня целовал. Тело было безвольной тряпичной куклой, у которой отродясь не бывало разума. Только чувства и зарождающееся, постыдное и запретное удовольствие.

– Ты мне нравишься, Сай, – смысл его слов доходил с трудом, будто я их читала с корявых каракулей на гномьем крадалшин, – будь моей сегодня. Сейчас.

Чтоооо?!

Судя по тому, как горела рука, я развернулась и залепила пощечину. Императору Снартари.

Пальцы дрожали, светляки безмятежно перемигивались, о недавнем присутствии снарра напоминал только голубоватый след телепорта.

А я тихо осела на клумбу с глубоким чувством, что наломала дров.

Глава 6. Феликс, или Слабость императора

Я хотел ее до помутнения в глазах, до дрожи в кончиках пальцев. Зря только пришел – перетерпел бы, а теперь я знал, что мое наваждение настолько сильно. Когда перехватил ее руку в простом душевном порыве, не имевшем ничего общего с желанием тела, меня словно тяжелой арбалетной стрелой прошило, с головы до ног. Густое, концентрированное возбуждение осело в районе паха, а заноза в сердце вошла глубже – если только Сай вызывает у меня такие чувства, то нет ни малейшего шанса, что Клериен или ей подобные заполнят пустоту.

Сай, будь моей сегодня, сейчас. С тем, что делать потом, мы разберемся, а сейчас помоги избавиться от сумасшествия. Оно грозит смести все на своем пути, разрушить мой эйши и вернуть к первоистоку. Я не могу без тебя сейчас.

Горячая жилка под белоснежной кожей бьется так часто, касаюсь ее губами – почти невесомо, чтобы не испугнуть. Нет, это сильнее меня – продолжаю упиваться ее вкусом, трепетом и запахом шелковистых волос. Они не заплетены – будто специально для меня, как приглашение.

Гхар! Сам факт пощечины отрезвил и, по счастью, притушил пожар – боли благодаря Призрачным я давно не чувствовал, и эта пощечина хлестнула по самолюбию.

Девчонка посмела мне отказать – как всегда, дерзкая, не склоняющаяся ни перед кем. Даже императорский венец не внушил ей достаточного почтения. Нет, покорность из страха – не то, чего бы мне хотелось, но в тот момент, казалось, подошел бы любой суррогат.

В первые минуты я крушил все, что попадалось под руку. Хорошо, что я не маг – разрушений было бы в разы больше. Когда под боевым двуручником, снятым со стены над кроватью, закончили свою жизнь ни в чем не повинные розовые циклоны, меня резко отпустило. Ледяная апатия накрыла с головой, как недавнее возбуждение, а затем ярость.

– Мой импера... – только сунувшись, камердинер мгновенно оценил ситуацию и ретировался.

Снова один. Проклятая Сайерона, давно надо было взять ее силой и переболеть. Она всего лишь человек. Вместо этого я три года возвращал одержимость. А если отдать ее ридгийцам вместе с ее вампиром, и будь что будет, лишь бы подальше от меня? Нет, от одной подобной мысли сердце разрывалось надвое. А ведь еще придется выводить ее в свет, чтобы поддерживать образ фаворитки – сами того не зная, слуги подали замечательную идею.

Нет, империи не нужен безумный император. Не будь я владыка Снартари, Сайерона Мастерс окажется в моей постели раньше, чем откроет ротик для очередной колкости.

Но сегодняшней ошибки я больше не повторю. И без того поспешил, а насилие окончательно отвернет ее от «спасителя», вновь превратив меня в «шантажиста». Ее не очаровали ни эльфийская морда, на которую падки все человеческие женщины, ни титул императора. Нужна хитрость. Как там говорил Алиссан в балладе о прекрасной Розалии – надо завоевать ее душу. Но на то уйдет время! Огонь успеет сожрать меня до костей.

Четырехкратный стук в двери покоев оповестил о визите Верховной жрицы. Ар'вилстан д'Алис, шкура гхарова! Верховной жрице в аудиенции не отказывают, на кону может стоять будущее империи – кто знает, что ей показали боги? А может, решение моих проблем?

– Впустить! – и големы, на неискушенный взгляд неотличимые от солдат в тяжелом доспехе, распахнули узорчатые створки.

Старуха Смая вплыла в покои, подобрав подол мальды. Белые полукруглые двери сомкнулись за ее спиной, восстановив целостность раскидистого дерева.

– Доброй ночи, мой император. Нам надо поговорить.

Кто бы сомневался, что жрица проделала немалый путь до верхних ярусов Селестара не ради укрепления сосудов.

– Доброй ночи. Сядь, – кивнул на кресло и первым занял соседнее, подавая пример, – у тебя было видение?

– Да, мой император. Я видела... – сухие губы дрогнули, – трон без владыки. Вашу смерть.

Мой взгляд машинально устремился к золотому венцу на атласной подушке. Он напитан заклятиями неуязвимости, как почва водой после ливня. Когда корона на мне, ничья стрела, ничей яд, ничья магия не способны меня настичь. Но все же в груди шевельнулся страх – первобытный страх перед неведомым, каким являлся для меня дар жрицы.

– И кто же это? Кто коварные заговорщики? – я привстал в кресле, по опыту зная, что предсказание можно обратить – иначе бы мы сейчас не беседовали.

– Ваш главный враг – Вы сами, мой император, – надо отдать должное смертной, она не отвела глаз, – простите свою преданную слугу. Это случится от передозировки Мерцающей солью.

Что?! Я поперхнулся воздухом. Не в бою, не от коварства врагов, не от вампира, а от моей маленькой радости. От нее придется отказаться...

– Благодарю тебя, Смея, это все? – внутри начало подниматься знакомое раздражение. Если даже Соль будет мне недоступна, то скоро я сойду с ума. Пожалуй, смерть в этом виду предпочтительней.

– Не стоит благодарности, это мой долг, – старуха подскочила, будто сидела на раскаленных углях – опасалась моего гнева? Припадка?

– Пойдем, телепортирую, – не то чтобы я опасался за ее жизнь, на ней заклинаний не меньше, чем на моей короне, но мне не хотелось заставлять старуху идти пешком.

...Или, признайся, пока ты погружен в ее чувства, свои собственные демоны дремлют. Феликс, ты боишься. Боишься остаться наедине с собой.

Но этот момент все равно настал. Проводив Верховную, я остался один в пустых покоях, в которые приливом прибывали голоса.

Голоса. Тени, почти осязаемые. Они говорили, шептали, кричали. А что будет во сне? Там они обретут плоть.

Прежде Соль помогала ненадолго забыться, а теперь, если у меня осталась хоть капля ответственности перед империей, запасы придется выкинуть.

На моих покоях звукоизолирующее плетение, и никто не услышит криков во сне, слава Солнцу. Только не смей сожалеть! Ты сто лет забывал физическую боль не для того, чтобы сдаться от кошмаров.

– Сайерона, – позвал я вслух, и призраки на миг примолкли. А что, если...?

Заняв свое рабочее место, где приходилось реформировать законы и подписывать указы, я схватил бумагу и перо. Оно послушно, по памяти выводило черты Рожденной зимой[7 - Перевод имени Сайерона со снартарилла] – большие глаза, оттененные веером ресниц, чуть вздернутый нос, губы... Пока я на нее смотрел, в голове звучал только ее голос.

Глава 7. Сайерона, или Фаворитка императора

Напрасно я сворачивалась ежом в ожидании расплаты. Феликс не пришел ни ночью, ни следующим днем, ни через декаду, когда я принимала из лап ворона пятое письмо – подписанное аккуратным почерком Данари. У меня духу не хватило сообщить родным, КТО на самом деле Фил. Да и не навредит ли им это знание? Поистине, тот случай, когда крепче спишь...

А вот мне о сне оставалось только мечтать. Нет, Ленс был здоров – за исключением его «небольшой особенности», и Вериенна отлично справлялась с обязанностями – вместе с Макрой они теперь занимали небольшую комнату в моих покоях, что для слуг... Бессонница была другого толка. Меня раскачивало на волнах беспокойства – за себя, за Ленса, за наше ближайшее и далекое будущее, неопределенности и... любопытства. Даже сейчас, отчаянно краснея, я вспоминала, как ложилась в свою огромную постель под балдахином и представляла, что не было никакой пощечины. Словно во мне до сих пор его кровь. Видно, мое тело хорошо ее помнит. Так, что готово подчиниться его малейшему желанию, растаять воском и принять любую форму в его руках.

Ногти впились в ладони, возвращая к реальности. Уж не решил ли император наказать отлучением от себя? Неприятно признавать, но он снова жил во мне. Хотелось говорить о нем, расспрашивать слуг, но я себя одергивала. До боли хотелось увидеть хотя бы краем глаза. Получить свою порцию живительного зелья и вырвать три дня у тоски.

Но он будто позабыл обо мне. Присылал то пестователей для Гриши, то лекарей для Ленса, от его имени для сына вносили сундуки с дарами – сегодня утром, к примеру, это была чудная подвеска для колыбели в форме луны и солнца. Мне шили дорогую одежду, кормили изысканной едой, служанки ловили каждое мое

слово. Но Феликс так ни разу не пришел.

Иногда меня охватывал страх, что придется ждать еще три года, прежде чем я вновь смогу увидеть его. А может, и к лучшему? Он никогда не согласится связать жизнь с простой человечкой – к первому браку со смертной его, по слухам, принудили мальчишкой. И она была признанной красавицей... Он может испытывать ко мне влечение, может желать как новую игрушку, но никогда не заглянет в лицо как к равной, не как к очередному цветку, чей удел увядать. Их он презирает.

Порой я думала, какой была императрица Лидия, и что чувствовал юный император, когда она променяла его на взрослого мужчину, истайра. Макра послушно снабжала меня книгами по истории государства из дворцовой библиотеки – очевидно, это не возбранялось Его Величеством – и я кое-что узнала о его судьбе. История, рассказанная дедом, обросла подробностями. Сто лет назад Феликс вызвал из соседнего Гринустайра мастера укрощения – а известно, что им в нашем деле нет равных, приблизил к себе и даже даровал титул придворного погонщика. Постепенно тот стал его единственным другом, несмотря на вражду между снаррами и истайрами... и предал в один прекрасный день. Погонщик и императрица предали его вместе, когда сбежали. Даже жрица-кормилица, заменившая Феликсу мать, просто играла императором, как значимой фигурой на доске. Никто никогда не любил его.

Даже удивительно, что Феликс Двенадцатый не стал безумным властелином, о чьей жестокости ходили бы легенды. Эдакий железный император – воображение легко нарисовало его, закованного в доспехи, впереди армии големов.

Я поежилась, посильнее запахнув кружевную ридгийскую шаль, что стоила целое состояние, но отнюдь не от осеннего ветра.

– Госпожа, – Макра остановилась на почтительном расстоянии, – мне передали повеление императора.

– Говори, – я спокойно кивнула, но внутри вострепелась надежда его увидеть, – Его Величество желает Вас видеть в храме Солнца на полуденном приветствии, – и как можно было забыть о традиционном празднике всех снартарийских подданных? – я должна помочь Вам подготовиться.

– Хорошо, – отметила в руках Макры сверток дорогой ткани. Неужели пришла пора сыграть роль «фаворитки»?

Справляюсь ли я? Чего ждет от меня «Фил»? Мог бы и просветить, отвлечься от своих несомненно важных дел минут на десять. Женская обида кипела во мне, пока разум не возобладал – в конце-концов, я сама дала понять, что не хочу становиться его... любовницей. Сделала выбор, единственно верный на тот момент, так что не должна пенять на последствия. Какими бы они ни были.

Терпение – исключительная черта долгоживущих эльфов, людям с ними не сравниться. Через три года он, возможно, навестит меня, а может статься, и нет. Забудет, когда рядом столько вечно прекрасных, не знающих старости снаррит.

Ну и гхар с ним. С его эльфийками. С Селестаром. Главное, найти лекарство для сына, вот что важно. Проклятый Феликс навлек на него гнев богов и должен искупить грех. Это важно, да будущее империи. А я? Кто, если не былинка на крыльях ветра? Все мы пришли с Серебряных полей и все туда вернемся когда-нибудь.

Иногда я чувствовала себя так, будто должна была умереть от яда мантикоры, но выиграла жизнь в лотерею – случайно, незаслуженно. Как неожиданный, но от этого еще более ценный подарок. Наверное, повторись все по—новой, я бы не стала гнаться в попытке урвать от ускользающей жизни побольше, а провела последние дни с близкими. С собой. И в молитве за империю.

Когда я напоминала себе об этом, страсти уступали место спокойствию.

Оно окутывало теплым коконом, когда Макра с Вериенной облачали меня в струящийся лазурный наряд, скрепленный на плечах золотыми застёжками, когда вплетали золотые нити в распущенные волосы. В подобном виде я была не я. И, казалось, что все неприятности, способные коснуться Сайероны, не имеют отношения к этой принцессе – незнакомой и царственной.

Как последний штрих, на плечи лег новый плащ с меховым подбоем – скоро в свои права вступит зима, по этому поводу и устраивался праздник. Полуденное приветствие Солнца, оно же и прощание, до весны. В полдень все высыпали на площади и слушали торжественную речь жреца, а после гуляли и жгли костры до рассвета.

Поймала себя на мысли, что впервые услышу Приветственную молитву в главном храме Солнца, как высокородная. Мысль отдавала не торжеством, но любопытством – мне было интересно, но не более.

– Полдень близится, мы успеем попасть в храм? – солнце уже стояло в зените.

– Не извольте беспокоиться, госпожа, – вперед выступил представитель моей охраны, в белом обмундировании, как и полагается императорскому гвардейцу. Наверняка отпрыск какого-нибудь аристократического дома, считающего за честь служить великим снаррам и лично императору, – мы перенесемся с помощью кристалла.

Я внутренне напряглась, не особо доверяя чужому человеку, но Макра ободряюще улыбнулась – мол, и правда, не о чем беспокоиться. Хотела бы я быть такой беспечной. Думаю, немало найдется эльфиек и просто благородных девиц, желающих моей смерти.

Но выбора не было. Пришлось довериться и нырнуть в неизвестность за сапфировыми лучами кристалла.

Я до боли задержала дыхание – и выдохнула, когда надо мной вырос белый купол храма, с неизменным «люком» на вершине. Столб света был настолько осязаем, что хотелось протянуть руку и проверить его плотность. В его сиянии сверкали «ложи», иначе не скажешь, расположенные огромным кругом в один ряд. На небольших диванчиках восседали эльфы и эльфийки, за их спинами стояла верная охрана. Позади толпилась знать из числа людей, лица, занимающие важные государственные посты, их семьи...

Все тот же молодой гвардеец мягко указал на мое кресло и встал за его спинку.

Еще одно кресло рядом, совсем близко к моему, пустовало. Сердце забилось быстрее – императорское.

С моим прибытием зал превратился в растревоженный улей – я кожей чувствовала взгляды, а еще слышала шепот на снартарилле. Вот бы зажать уши руками, или разучиться понимать язык солнечных эльфов.

«ШирИл!»[8 - «Она» на эльфийском]

«Это она, смотри!»

«Наш император верен себе, выбирает только человеческих девок. Не пройдет и месяца – будет нам новая императрица»...

«Не смеши меня, поиграет и бросит!»...

«Удивлена, что после Лидии он снова сошелся с человечкой».

«Человечки – его слабость. Может, его заводит именно их недолговечность?»...

«Прикуси язык!»

«Говорят, она родила Его Величеству ребенка, поэтому он и взял ее к себе во дворец».

Мое лицо пошло красными пятнами. Древние эльфийки, а мелют языками как бабы на базаре. Думают, что я не понимаю ни слова.

Сказать бы им свою отповедь, вот их лица вытянутся! Но нельзя. Язык должен быть моим тайным козырем, раз уж придется жить и выживать в этом змеином гнезде. Внезапно сердце сдавило тисками, и я интуитивно оглянулась на источник беспокойства – по соседству с императорским креслом восседала кудрявая эльфийка. Конечно, ее волосы были заплетены по всем канонам, но белые завитки рвались на волю с упрямством подорожника, пробившегося сквозь гранит. Она не сплетничала – напротив, молчала и замораживала льдистым взглядом светло-голубых глаз.

Поняв, что ее раскрыли, девица перегнулась через валик подлокотника и обратилась напрямую ко мне, на всеобщем.

– Лиронна Мастерс, приветствую, – судя по язвительному удовольствию, она бы произносила слово «лиронна» вечно. Да, у меня нет ни титулов, ни земель, чтобы зваться леди, но усмешку эльфийки хотелось стереть с губ, желательно кулаком. – Вы заняли место под солнцем, поздравляю. Но хочу предостеречь –

солнце способно обжечь.

Впервые говорю с настоящей снаррит – раньше мое общение со снаррами сводилось к погонщику Мальерису, к минуте под равнодушным взглядом придворного мага на посвящении в Мастера, да к императору, ставшему почти «родным». А вот сейчас вокруг такая концентрация эльфов, что я кажусь себе не коренной столичной жительницей Снартари, а орком с дальних островов. Но злые слова развеяли иллюзию – может, внешне эльфийки вечно прекрасные и все такое, но опилки в голове у них с Лайзой из общей кучи.

Метит на место фаворитки, а то и императрицы.

– Великий Алиссан писал, что мудрый не засматривается на чужую лужайку, а трудится на своей, чтобы она цвела и зеленела.

Голубые глаза сузились.

– Не сомневайтесь, я так долго возделываю свою землю, что усилия не останутся незамеченными. И хочу сказать – Вы не единственная, с кем император проводит ночи.

Уж не с ней ли? Отчего-то в этот момент я ее почти возненавидела, но натянула улыбку, как неудобный, но предписанный приличиями корсет.

– Не пристало обсуждать личную жизнь Его Величества, это дурной тон, – я выделила последнее слово, – леди.

– И это говорит мне та, кого он выставил на всеобщее обозрение? – эльфийка прошипела, понизив голос почти до шепота, – ты, ничтожная смертная, смеешь мне дерзить? Но пусть, через тридцать – сорок лет на тебя не посмотрит не то что император, даже последний матрос. Наслаждайся своим местом под солнцем, цветы на своей лужайке, пока стебель держит. А я подожду.

И отвернулась к световому столбу, будто это было интереснейшее зрелище в мире.

Гхар, как же она права. Даже через десять лет я утрачу последние черты юности. Рядом с эльфийским императором у меня нет будущего. Ну почему душа и тело тянутся к нему? После всего, что произошло?

От бесплодных размышлений отвлек световой столб – он уплотнился, так что сквозь него больше нельзя было ничего разглядеть, стал шире и ярче. Когда отблеск телепортации рассеялся, вперед ступил император. Легок на помине. Я старалась не смотреть на его лицо, поэтому разглядывала корону из золотых листьев и удлинённый камзол ниже колен, по традиции белый с филигранной золотой нитью, более плотной на высоком воротнике. Мантия – дань парадному облачению – являла собой произведение искусства. В честь праздника императорские портные потрудились на славу, переплавив в причудливом орнаменте яркость солнца и скромную сдержанность меди. Подбой – разумеется, белый. Я была готова изучить несуществующие пылинки на его сапогах, лишь бы не смотреть в глаза.

Впрочем, все снарры склонили головы, и я последовала их примеру. Жаль, передышка была недолгой. Император говорил приветственную речь на снартарилле, и на меня обрушивалась двойная пытка – его видом и голосом. После чего мантия прошуршала совсем близко, и он занял соседнее кресло-трон. Левая рука с изумрудным перстнем легла на подлокотник рядом с моей правой, вызывая немедленное желание отодвинуться... и в то же время отнимая саму способность к движению. Ноги стали ватными, внутри поднимались и лопались пузырьки веселящего напитка. Спроси кто, о чем уже пять минут говорит верховная жрица Смея, не смогла бы повторить ни слова.

И тут меня словно ужалило – его ладонь накрыла мою. Перед глазами поплыло, жар стучал в голове, сердце и во всем беспомощном теле. Кузнечным молотом.

Пусть он это прекратит!

Но жрица затянула молитву солнцу, эльфы откликнулись слаженным хором, а Феликс не только не отпустил, но и переплел мои пальцы со своими. Гхаррр...

Только разозлившись на себя, я смогла вернуть голос. Что бы это ни было – игра на публику во имя прикрытия, его прихоть или изощренное наказание, я не должна поддаваться чувствам. Не имею права!

«Клянусь ждать тебя у ворот Весны, не терять веры в твое возвращение на небесный трон...» Молитва предназначалась богу Солнца, но в сердце откликнулся образ снарра и его собственное возвращение. Так некстати символичным показалось и мое имя, «рожденная зимой». Вспомнилась и наша разлука, и то, как я ждала. Была уверена в его смерти и все равно ждала... чуда?

Дана как-то говорила, что у меня некий синдром, проявляющийся у жертвы к похитителю. «Действие крови давно прошло, чем еще объяснить твою депрессию?» – подруга разводила руками, а ее супруг одобрительно кивал.

«Если на минуту предположить, что вы правы, то как мне бороться?»

«Он мертв, все позади». – Помню, как эти слова, призванные успокоить, произвели эффект приговора.

И вот он жив, и мое сердце оттаяло. Выбивало бешеный ритм весны, жизни, но ради чего? Сегодня же напишу Данае – пусть придет, как бороться с ее «синдромом», потому что собственных сил отчаянно не хватает.

Затуманенный разум все меньше видит опасности в императоре, тепло его руки словно щит, ограждающий от завистливых и любопытных.

До чего долгая церемония, да простит меня Солнце. Скопив на снарра быстрый взгляд, я столкнулась с его – как будто мы снова связаны одной кровью и одной волей. Прикусила губу, пряча улыбку, и почувствовала, как он чуть сильнее сжал мою руку. Жест поддержки?

Согласно этикету, император покинул зал первым. И отчего-то захватил меня с собой. Или это тоже предписано этикетом? За время телепортации дурман развеялся, подняла голову обида – он игнорировал меня целых десять дней! Благоразумие топталось на вторых ролях и пыталось привлечь к себе внимание – как-никак, моя цель – как можно меньше поддаваться эмоциям.

– Где мы? – я бешено заозиралась, ощутив на щеках морозный воздух.

– Не узнаешь? – Фил медленно развернул меня за плечи и привлек к себе ближе, так что я спиной ощутила твердые мышцы груди. А глаза моментально узнали

место и время. Снарр притащил меня на безымянный остров! Тот самый, где прошло наше «свидание» перед кражей яйца.

– Узнаю, – прорычала я сквозь рокот волн. Покоя как ни бывало! – но зачем?!

Я извернулась дикой кошкой. Все-таки решил притопить?

– Мы оба получили второй шанс, – голос эльфа, напротив, был тихим, но отчетливым, – хочу исправить кое-что из своего прошлого. И, надеюсь, в этот раз обойдется без пощечин. Просто поцелуй, Сайерона, – он усмехнулся, – ты позволишь?

– Сам император Снартари спрашивает у меня дозволения, какая честь! – за иронией я тщетно пыталась скрыть волнение, соперничающее по силе со штормом внизу. Нет, он не столкнет меня, по неизвестной причине он жаждет обладать мной снова.

– Если это будет приказ, твое согласие потеряет всякий смысл. Веришь или нет, но я разочаровался в общении с марионетками.

– Напоминает разговор с самим собой? – я, как могла, тянула время.

– Вроде того, – спорю, он разгадал маневр, потому что наклонился к моему лицу, понизив голос до шепота, – а все в мире Ниариса создано для взаимодействия.

О боги, его голос проникает в самое сердце, пускает корни своего ядовитого дерева со сладкими плодами. Я дрожу до кончиков пальцев, растворяюсь в его пока невесомых прикосновениях, ведомая одной мыслью – чтобы этот момент не кончился.

Ветер усилился, бросив в лицо горсть колючих снежинок, и одна из них словно проникла в грудь острой льдинкой из гномьих сказок, раскалывая наваждение. В голове взорвался хор голосов. Если я соглашусь, меня никто не осудит – он повелитель нашей огромной империи, снарр из древней династии. Если откажусь, вызову гнев, и это скажется на сыне. Или нет? Чего хочу я сама? Почему пытаюсь оправдаться?

На этом вопросе поток мыслей иссяк, будто его резко перекрыли. В конце-концов, это всего лишь поцелуй. ...Который даст ему понять, насколько я равнодушна. И тогда я снова стану куклой на веревочках. Боги, как его вообще могла заинтересовать простая человечка в «этом самом» смысле? Если следовать теории Данари, и меня коснулся некий синдром, мог ли он быть палкой о двух концах? И теперь Феликс одержим желанием вернуть свою марионетку. Может, он и с сыном помогает лишь потому, что это возвращает меня в состояние зависимости?

Фил хочет добровольного подчинения. Или просто немного тепла? Как я успела заметить, он ни с кем не был близок, и даже сейчас, после Приветствия Солнца, не уединился с кем-нибудь вроде той кудрявой эльфийки, а предпочел провести время со мной. Или мне хочется так считать в его объятиях? Когда руки снарра так крепко и в тоже время бережно сжимают мои плечи, возвращается тепло, рождающее жар. Ни один парень из Школы не имел столь сокрушительного влияния на мою волю, ни один мужчина до него. Должна ли я ее отстаивать?

До чего же сложно...

– Ты смотришь на меня так, будто я собираюсь тебя съесть, – невесело усмехнулся Феликс, – не бойся, я просто попробую, – его палец пощекотал мою щеку, очертив линию до подбородка, отчего коленки ослабели, а голоса затихли, превратившись в довольное урчание, – это не больно.

Но может обернуться болью. Шутка скрикошетила в грудь холодным опасением. Если открыться ему, открыться полностью, а он поиграет и выбросит, как ненужную вещь, я этого не переживу.

Открытие поразило настолько, что я отступила назад и непременно сорвалась бы с обрыва, если бы не сильные руки императора.

– Сайерона? – в его глазах плескался океан.

– Рис на велис коорна, – прошептала, взявшись за сережку, – ты должен это увидеть, – прежде всего, я сама должна раскрыться полностью. Как знать, может он и не посмотрит на меня без отвращения?

И разомкнула, силясь не зажмуриться.

Я вглядывалась в изумрудные глаза снарра, как иные ворожки в зачарованную воду, надеясь увидеть будущее. Наверное, даже не дышала.

Взгляд Феликса метался, но не так, как если бы он хотел убежать от увиденного – взгляд следовал за мыслью. Внутри него разразилась буря, не иначе. Не знаю, что бы делала, разомкни он теплые объятия – последний оплот моей надежды. По счастью, он прижал меня еще крепче к себе, и я с радостью приняла эту простую ласку.

– Не плачь, – надо же, только облизнув губы, почувствовала соль. Снарр провел подушечками пальцев по левой стороне моего лица, по той опаленной коже, что я разучилась ощущать, – когда это случилось с тобой?

– В младенчестве, при пожаре, – так говорил дед, я и сама ничего не помнила, – тогда погибли мои родители.

– При пожаре, говоришь, – он задумчиво кивнул каким-то своим умозаключениям, – продолжая баюкать меня, как ребенка, – двадцать три года назад... Пойдем.

Глава 8. Феликс, или Приоткрывая иллюзию

Я ожидал увидеть что угодно – веснушки, следы ветряной оспы, любые несовершенства кожи, свойственные смертным... Но не шрамы! Хорошо, надо сказать, залеченные шрамы от драконьего огня. Пробыв в ордене Призрачных добрую сотню лет, не выходя за его стены, я тем не менее повидал многое. Кого только не повидал. Избавиться от боли хотя бы ненадолго жаждали тысячи искалеченных и обездоленных. Послушники поили путников опиум, а безнадежно больным давали смертельную дозу, помогая тихо отойти на серебряные поля.

Мало кто, как я, решался пройти путь до конца и отделить боль от своего тела. Точнее, добровольцев и вовсе были единицы, в основном я видел рабов-стражей, связанных с орденом клятвой.

Однажды холодным ненастным утром, неотличимым от ночи, к нам пришел очередной проситель. Я нес вахту у главных ворот.

– Кто идет? Назовись! – вглядываясь в неясные силуэты, впору позавидовать ночному зрению истайров, лунных эльфов. Они поистине как кошки.

Пришедший скрывал лицо под капюшоном, и скоро стало понятно, почему – вместо глаз, носа и рта зияли уродливые темные прорехи. Путник оказался беглым магом из закрытого северного ковена, и стоит сказать про него несколько слов... Не про путника, про ковен. При моем батюшке, Феликсе Одиннадцатом, а может и при его славных предках магическая мощь империи покоилась на пяти столпах – ковенах. Столичный, южный, восточный, западный и северный. Последний еще звался закрытым, ибо его маги свято оберегали свои тайны. Стоит ли удивляться, что закрытый ковен возомнил себя вершителем судеб и в один прекрасный день изменил короне? Но так или иначе, интриги были раскрыты, а за ковен взялись союзники Снартари – первородные драконы с Лазурного архипелага. Те самые, что имеют две ипостаси и два сердца. Каждого изменника, любого мало-мальски связанного с закрытым ковеном, они находили и убивали драконьим пламенем, от которого не всякая магия спасет.

Тот путник уцелел чудом, исчерпав весь свой резерв подчистую. Наши монахи его подлатали, как смогли. И вот теперь вопрос, достойный приза на императорских дебатах за лучший ум – откуда у Сай эти шрамы в виде паутины? Однозначно, их могло оставить только пламя первородного, но какого гхара это случилось с ней?

Я напрасно вглядывался в большие синие глаза. Отчаянные и бесстрашные.

Кто ты, Сайерона? Случайная жертва? Или потомок кого-то из закрытого ковена?

Нет, кого я пытаюсь обмануть. Откуда у случайной жертвы бережно-исцеляющие артефакты, без них она была бы «краше» того несчастного.

Но Сай совершенно точно ни о чем не догадывается, иначе никогда бы не продемонстрировала такое вопиющее доказательство причастности к ковену – пусть десять раз мертвому ковену – перед императором Снартари.

Именно они сломили меня тогда. Тот Феликс был слишком молод и не выдержал пыток. И чтобы такое не повторилось, я не нашел ничего лучше, как уйти к «отнимающим боль». Из-за тех тварей я оставил трон и уполз зализывать раны. Из-за них потерял сотню лет и совершил новые ошибки, заново завоевывая власть.

И вот в моих руках идеальная жертва для отмщения.

Я усмехнулся про себя – не было ли в моем выборе Сайероны три года назад божественного умысла?

Переместился вместе с ней на малый балкон императорских покоев. Хрупкая, беззащитная. Полностью в моей власти. Можно свернуть ей шею прямо сейчас, когда она так доверчиво прильнула к моей груди. Но пальцы лишь сильнее запутались в смоляных волосах, а вторая рука прижимала к себе вздрагивающую спину – точно деревце на ветру.

Она была отдана мне богами, ради мести. И теперь не удивительно, что проклятое дитя появилось из ее чрева. Я согрешил против бога Солнца, но и она не святая – в ее жилах течет кровь моих врагов. Я могу переломить позвонки один за другим, но вместо этого пальцы путешествуют по трепещущим изгибам открытой спины, под теплым плащом, в котором уже нет необходимости.

– Феликс, – нежные губы приоткрываются, как в последнем крике, но я хочу и дальше слышать свое имя из ее уст, – я...

И то ли опасаясь услышать очередной отказ, то ли позволив наконец инстинктам захватить верх, я приподнял ее за подбородок и коснулся дразнящим поцелуем. Нет, таким он подразумевался, но ребячество слишком быстро ушло. Это была месть. Подчинение на грани боли. Я дорвался до запретного, до так долго желаемого и недоступного, что разум напрочь снесло ощущениями. Темный огонь выжег последние остатки благоразумия, я забыл, что хотел держаться подальше от смертной, что к ней нельзя привязываться. Даже если она способна прогнать моих демонов, лекарство может превратиться в наркотик. Кому, как не мне, не знать этого.

И, быть может, я бы отступил, но сквозь первый страх в ее глазах проступило согласие. Так падает крепость, так ликует триумфатор.

Скорее всего, потом она будет винить во всем меня, или себя, но сейчас Сайерона доверилась, так чутко реагируя даже на самые простые ласки.

Гхар, я должен был это понять, еще когда она открыла мне той темной ночью. Еще тогда я должен был понять и решить за нас обоих. Ну ничего, теперь я не упущу свою добычу.

Подхватив ее на руки, в несколько шагов добрался до постели. Она раскинулась на алом покрывале, как на жертвенном алтаре. Я видел – я был для нее мужчиной, императором, богом.

И вдруг... условный стук Мелдона все разрушил. Сай встрепенулась, словно очнувшись от дурмана, а я заскрежетал зубами, придумывая сотню казней для своего личного помощника.

– Мы обязательно продолжим, – шепнул растерянной и раскрасневшейся Сайероне, переместил в ее покои и вернулся к себе. Мелдон никогда не беспокоил по пустякам, нужно успокоиться. Ему, наравне с высшими сановниками, разрешалось просить аудиенции в любое время, и он никогда не злоупотреблял своим положением. Если же парень изменил принципам – не сносить ему головы.

– Пусть заходит! – крикнул големам и занял место за столом кабинета.

Мой верный пес вошел, кланяясь, и остановился на приличествующем расстоянии.

– Мой император, примите от меня скромные поздравления с этим великим днем.

Я чуть сильнее сжал кулаки, и молодой человек все понял.

– Простите, мой император, я не вовремя? Позвольте удалиться...

– Нет, говори, с чем пришел, – костяшки пальцев щелкнули.

– Наша тайная служба провела расследование – ридгийцы пытаются внедрить во дворец своих людей. Мы перехватили помощника повара, он сейчас в казематах. Прикажете допросить?

– Непременно. Он мог пронести яд. Этот ридгиец был один?

Последовал подробный донос про каждое подозрительное лицо во дворце – в расследованиях и донесениях Мелдон был мастером.

– Хорошо. Прими меры. Но прежде узнай, как связана Сайерона Мастерс с закрытым ковром.

– Ваша... Сайерона... – слуга побледнел, – с закрытым ковром? Но как такое возможно? Ковра больше нет.

– Но единичные последователи остались, несмотря на старания драконов. Узнай, с кем из его адептов она в родстве, живы они или нет, узнай все что сможешь. И еще – по возможности займись этим лично. Информация не должна просочиться к врагам.

Щедро вознаградив Мелдона, я откинулся на спинку высокого кресла.

Глава 9. Сайерона, или Проводы Солнца

«Милая Данари! Чувства переполняют меня так сильно, что я вот-вот взорвусь, как гномий паровой котел. Начну с того, что Фил – сам император, Феликс Двенадцатый, я должна была сказать сразу, как только узнала. И я числюсь при дворе его фавориткой. Это не плохая шутка, нет. Сегодня на проводах Солнца он представил меня двору, и каждая эльфийка теперь мечтает отделить мою голову от тела. Не беспокойся, к моим покоем – как звучит-то! – приставили голема. Охранять. Учитывая, какую «любовь» я питаю к этим металлическим созданиям, с задачей они справляются самим фактом своего присутствия, после них мне никто не страшен. Кроме императора (зачеркнуто). Синдром, о котором ты говорила, стал сильнее. И возможно ли, что под его влияние попали мы оба?

Мне страшно, я не знаю, что я чувствую... Сегодня он поцеловал меня (зачеркнуто), все зашло слишком далеко (зачеркнуто двойным слоем).

Жаль, что мы не отметим праздник все вместе, как раньше. Поцелуй за меня малышей, передавай привет Рину и Коре с дедом. Да пребудет с вами Солнце, и будет благословенна Луна».

Не успел почтовый ворон скрыться за Селестарскими облаками, как я уже пожалела о письме. Надо было написать, выговориться бумаге и сжечь, а не отсылать Дане. Она наверняка расскажет деду, прибавится беспокойства. И вопросов...

А ответов у меня и нет. О том, что произошло после церемонии, я сама предпочитала не думать. Щеки до сих пор горели от стыда – за то, что хотела продолжения?

Его не отпугнули шрамы (сережка снова была на мне), он полностью одержим мной...

Странное чувство с привкусом горечи. Я была любовью всей жизни Роба, но не припомню у него такого темного огня в глазах, такого напора. На губах до сих пор чувствую губы Феликса. Или это со всеми снаррами так бывает, если разбудить в них чудовище? Страшно... и любопытно.

В этот момент на парапет сел ворон. Так быстро? Но письмо было не от Данари.

С удивлением я обнаружила грамоту на получение титула леди и документы, подтверждающие меня как владелицу земель на юго-западе. «Теперь никто не назовет тебя лиронной Мастерс, Леди Альвионская».

Дыхание перехватило. Никогда не была в цветущей провинции Альвион, а теперь я ее леди. И мне «...перечисляется ежемесячное содержание от доходов провинции в размере... золотых.»

Закрыла глаза. Открыла. Грудь разорвал нервный смех. Хотела стать «достойной Сайероной»? Всего-то стоило влюбить в себя императора.

Нет, сильно сомневаюсь насчет любви, но он увлечен, и мне это нравится, гхар побереи.

Какая-то часть меня считала разумным отказаться, ее сестра-близнец шептала, что отказ нанесет Его Величеству оскорбление. А тысячи их отражений просто вспоминали негу на мягкой императорской постели и жар его тела. Его губы на моих губах, шее, поверх ненавистных шрамов. Я и правда нравлюсь ему... даже такой.

Весь оставшийся день я не находила себе места, пытаюсь отвлечься тренировкой Гриши и прогулками с Ленсом по внутреннему саду, но тщетно.

Наконец пришел ответ от Данари. Нет, поняла я, разворачивая листок, от деда.

«Дорогая моя Сай, – буквы под его рукой плясали вприсядку, что было совершенно непохоже на всегда каллиграфический почерк Сэма Фрайта, – Мне волнительно узнать, что твой покровитель – сам Феликс Двенадцатый. Жизнь при дворе беспокойна... Дана мне рассказала, не сердись на нее. Не ввязывайся в интриги, не отвечай на провокации. Не лезь в политику. Для твоей деятельной натуры настоящая пытка находиться в четырех стенах, но, поверь, пока так будет лучше. Верю, ты проявишь благоразумие. Так хочется увидеть тебя хоть раз, в этот священный праздник проводов Солнца. Обнять мою маленькую Сай, как раньше. Но понимаю, что ваша с Ленсом безопасность превыше всего. Прими от меня скромный подарок – этот браслет, – только сейчас я заметила, что ворон не улетел и все еще держал лапку полусогнутой. Отвязала бархатный мешочек, – знай, мы всегда рядом...»

На глаза второй раз за день навернулись слезы – от неосуществимости простого человеческого желания быть вместе с семьей, с друзьями.

Нет, я сама выбрала жизнь в Селестаре и не должна строить из себя жертву – хотя бы ради Ленса. Даже дед сказал, «его безопасность превыше всего».

Я развязала тесемки и достала подарок – медный браслет со сложным орнаментом. Он был покрыт им настолько густо, что без лупы все узоры не рассмотреть. Очень необычная работа, непохожа на поделки городских мастеров, виденные мной на ярмарке. Неужели дед вернулся к кузнечному делу и сделал браслет сам?

Бережно убрала его обратно в мешочек и положила в ящик трюмо. Обязательно одену к более подходящему наряду – мое платье для ужина полностью закрывало запястья. Скоро должна была вернуться Макра с подносом, и я тайно, безумно глупо надеялась, что его сервируют на двоих. Даже дед верит в мое благоразумие...

Вечерний полумрак, разгоняемый пульсацией магических светильников, на мгновение выжгла бирюзовая вспышка.

Сердце сладко встрепенулось – так являлся только император. Он подошел стремительно, в пару шагов сокращая расстояние между нами. Без короны, волосы по—эльфийски уложены назад, но ни одного волоска не выбивалось из непривычного плетения. Обычно император ограничивался двумя косицами у висков. Я вздрогнула от его взгляда – таким можно лед рубить, но вперед совершенно неожиданно выкатился Гриша, а за ним Ленс. Вдалеке запричитала Вериенна, недосмотревшая за воспитанником.

Глаза Феликса потеплели, он опустился на колени перед ребенком, а тот и рад. Ленсар радостно протаранил императорские баррикады и оказался в плену эльфийских рук.

«Папа!»

Вряд ли он помнил Робина, но выдать подобное Феликсу могло только неразумное дитя. Дыши, только дыши.

В ответ снарр притянул голову ребенка к груди и прикрыл глаза.

В арочном проеме появилась Вериенна и испуганно ойкнула, заметив «гостя». Впрочем, она тут же склонилась в три погибели.

– Уведи лорда Мастерса, – негромкий голос источал животное притяжение. Как служанка стояла на ногах – не представляю. Вериенна проворно подскочила к Ленсу и подхватила на руки. Первое время безумно злило, что кому-то приходится прикасаться к моему сыну, но за декаду я привыкла. Вериенна была кроткой и услужливой девушкой, и на первый взгляд совершенно не испорченной двором. Но сейчас, когда она склонялась перед Феликсом,

демонстрируя неглубокое декольте, в моей груди отравой разливалась боль. И злость.

Он может проводить ночи с кем угодно, с высокородными дамами, со служанками. А потом не вспомнить даже имен. Мы все для него – бабочки-однодневки.

– Пойдем, Сайерона, – его взгляд снова пронзил ледяной стрелой, – прогуляемся.

Сердце замерло в предвкушении – он, пусть ненадолго, заберет меня из золотой клетки. На волю.

На этот раз я не закрывала глаз, чтобы не упустить ни мига свободы. За что немедленно поплатилась зрением – вспышка дезориентировала, и в паническом порыве я ухватилась за Феликса, прижавшись к нему всем телом. На полную мощь вспыхнули фонари недавних воспоминаний, затопив горячим стыдом и совершенно неуместной радостью от его близости. Боги, так не бывает. Не может быть, чтобы разум настолько капитулировал перед чувствами. Тело начинало жить отдельной жизнью, стоило снарру коснуться. Тогда, в его покоях, была не я, а другая Сай... плохо помню, как очутилась на его постели. Не хочу сейчас об этом думать, ибо тогда совершенно утрачу контроль. Его поцелуй – как я теперь понимаю, первый настоящий поцелуй в моей жизни, наложил на меня заклинание подчинения, и я была готова даже на роль марионетки. Все что угодно, если это позволит утолить голод, который снарр сам же и разбудил.

Вспышка рассеялась, а руки императора лишь крепче сжались на моей спине. Мы стояли настолько вплотную, что сквозь камзол был слышен стук его сердца. Кажется, уже в моей голове... в ушах... в груди и в животе. Хмель растекался по венам, отзываясь приятной слабостью. Щеку ласкал прохладный шелк, но это не уменьшало внутреннего жара. Я пребывала в странном состоянии между блаженным спокойствием и трепетом. В безвремени без тягостного прошлого и неясного будущего.

Император запустил пальцы в мои волосы и слегка оттянул звенящий затылок, заставив посмотреть в глаза.

Клянусь, в моих он увидел все тайные мысли и про себя усмехнулся – «ты стала марионеткой добровольно».

Это отрезвило сильнее, чем приход секретаря Его Величества, когда я осознала, что мое платье спущено до пояса. О Солнце, стыд-то какой! Хорошо, что Феликс никак не напоминал о том моменте и не отпускал колкостей.

– Подумал, тебе будет интересно осмотреть свои новые владения.

Постойте, владения? Только сейчас я разглядела, что мы стоим посреди живописной горной долины, а в сапфировых водах озера отражается лазурно-чистое небо. Трава ярко-изумрудная, а воздух теплый, несмотря на начало зимы.

– Это... это... – я не могла поверить своей догадке.

– Провинция Альвион, – Феликс мягко улыбнулся, чуть склонив голову, и от его вкрадчивого голоса меня снова бросило в жар. Так нельзя, я должна взять себя в руки! Легко сказать... И он сделал мне подарок. Он. Сделал. Подарок. Мне.

– Спасибо, это слишком щедрый дар, – слава Солнцу, получилось сказать достаточно твердо, – я никогда не стремилась к титулу, – вернее, втайне мечтала, но хотела заслужить его верной службой и талантами, а не тем, что приглянулась владыке.

– Что тебя смущает? Моя фаворитка не может оставаться лиронной, – в его глазах плясали хитрые огоньки – мол, не отвертись.

– Что ж, пока мы поддерживаем легенду, грех не прогуляться по альвионской долине, – под влиянием его непонятной магии даже мысль о временности моего статуса в жизни императора, со всеми прилагающимися привилегиями, не казалась чем—то ужасным. Наверное, скажи он о скором землетрясении, предсказанном гильдией магов, я бы и тогда продолжала радоваться не пойми чему.

– У тебя выдающийся талант поддерживать легенды, – Феликс предложил мне руку, и не успела я возмутиться намеку, увлек вперед, – ты любишь пикники?

– Когда время ужина, я на все согласна, – брякнула не подумав и осеклась, поймав пронзительный изумрудный взгляд.

– Пряма-таки на все? Заметь, это не я сказал, – он ускорил шаг, увлекая вперед. Спустя пять минут снарр раздвинул ветви развесистой ивы, в тени которой оказался огромный ридгийский ковер, заставленный всевозможными яствами. Не хочется признавать, но за время жизни во дворце я разнежилась среди роскоши и деликатесов. Потому с привычным удовольствием рухнула в ворох мягких квадратных подушек, подставляя лицо теплему ветерку. До чего хорошо ни о чем не думать, не беспокоиться... потому что я под императорской защитой?

Что бы ни было между нами в прошлом, сейчас я не могла отрицать его могущества и авторитета среди народа. Как правитель он полностью соответствовал сказаниям о великих и справедливых снаррах. Не было причин не доверять.

Вокруг не было охраны – вообще ни души в пределах видимости, но я была уверена, что на территорию наложена защита. Определенно какая-нибудь магия.

Взгляд скользил по поверхности горного озера, как едва заметные блики по воде. Помнится, когда-то я мечтала увидеть озеро Альд, потому что на его берегах прошла большая часть событий из романа моего любимого Алиссана. И в нем же главный герой утопил своего лучшего друга, когда прознал о предательстве. Я поежилась, с благодарностью накинув мягкий плед, из тех что лежали рядом. Все для императорского комфорта...

– Отметим проводы Солнца, – Феликс плеснул в кубки эльфийского вина – того самого, от которого у меня подчистую сносило крышу. Но отказаться в главный праздник империи я не могла. Ничего, приму, но пить не буду. И-нибудь дар в ответ. Пусть что-нибудь незначительное, на память, так требовалось по этикету, ну и вообще...

По счастью, снарр начал читать молитву на снартарилле, и я машинально стала повторять – благо, прекрасно ее знала. Внезапно я поняла, что слышу только свой голос.

Феликс смотрел на меня каким—то странным взглядом, под которым я начала путаться и под конец замолкла. Повисла тишина, лишь вода лениво плескалась о берег.

– Что-то не так? – осмелилась нарушить молчание.

– Ты меня удивила. Не знал, что ты понимаешь нашу речь настолько хорошо, – его лицо было совершенно непроницаемо, как лик статуи. То ли похвалил, то ли укорил.

– Дед с рождения учил меня снартариллу, – то ли похвалилась, то ли оправдалась, – он знает его в совершенстве, – а тут определенно была гордость за моего замечательного дедулю, способного заткнуть за пояс многих молодых. Недаром Кора так его ценит.

– Он служил в одном из снартарийских Домов? – похоже, Феликс искренне заинтересовался.

– В Селестаре, – дед при этом добавлял – «так давно, что помнит императора», это его любимая фигура речи. Он у меня всегда был с чудинкой, не от мира сего.

– Что ж, ты могла бы практиковаться в снартарилле со мной, – проговорил Феликс по-эльфийски и поднял кубок, – за пользу знаний! И во славу Солнца, конечно же.

– Во славу Солнца, – вторила я и поднесла кубок к губам, не касаясь напитка. Сделала вид, что пью. Нельзя потерять голову, ее и без того изрядно кружит от эльфийского на моем языке, от присутствия Феликса в одном лишь ярде.

Он опять смотрел на меня – слишком пристально, словно хотел запомнить каждую черту. Во рту пересохло, даже есть перехотелось. В теплом закрытом платье стало жарковато, и я побрела к берегу – хлебнуть простой воды.

– Куда ты, Сай? – император немедля поднялся следом.

– Освежиться.

– С тобой все хорошо? Ты ничего не съела и не выпила.

Как можно что-то проглотить, если тебя поедают взглядом, проворчала я про себя, на ходу скидывая туфли. В тот же миг я неудачно споткнулась и почти

упала на колени, ладонями вперед.

Феликс тут же подхватил под руку и усадил на траву, опустившись рядом.

– Даже не выпила толком, а уже пошла купаться! – в его тоне послышался горький смех, – Жаль, мы не успели поднять кубок за традиции, – бархатный шепот ласкал слух, мы сидели плечом к плечу, и розовеющие облака плыли над головой в хороводе, – знаешь, у снарров есть одна – кровь за кровь. Испокон веков у нас принято мстить врагам империи. Если кто-то осмеливался выступить против династии Сияющих, весь его род подлежал уничтожению. Иначе наши предки не обретут покоя на серебряных полях. Я тоже должен выполнить их волю. Уничтожить давнего врага и его потомков.

Ощущение нереальности нарастало. Никогда император не был столь откровенным – даже когда приходил «каяться» ко мне домой.

– Кто они? – я выпрямилась, чтобы поймать его взгляд, моя рука решительно накрыла его ладонь, – они опасны для тебя?

В груди всколыхнулось беспокойство за снарра. Что, если его могут убить? Вновь распахнулась недавняя пропасть длиной в три долгих года, когда я была убеждена в его смерти. Снова мне этого не пережить.

– Скажи мне, Феликс. Кто твои враги?

– Ты так сильно за меня переживаешь? – от его улыбки я смутилась, а он добавил еле слышно непонятно к чему, – похоже, ты и правда ничего не пила.

Снарр изящно поднялся одним движением, и без его тепла мгновенно похолодало.

– Пойдем, Сай. Здесь становится опасно. Вернемся в другой раз.

Глава 10. Феликс, или Находка большая и маленькая

Take my all, I surrender, surrender!

Look at me and the way

I ask for forgiveness, kindness and help!

Take my all, I surrender, surrender!

You will die another day, another day

Dark Sarah&the Dragon

Два часа назад исполнительный Мелдон положил на стол бумаги. Весьма занятные бумаги. Тайная служба постаралась, провела расследование в кратчайший срок – впрочем, именно мой приказ оказался невольным катализатором, запустившим некогда наглухо закрытый процесс. Недостающей деталью головоломки.

Я уже говорил, что северный ковен, чьи преступления против империи исчислялись сотнями жизней, был разоблачен и уничтожен. Стараниями Снартари и наших союзников – первородных драконов. Однако кто ж знал, что его Смотрящий, как себя именовал магистр ковена, оказался жив-здоров, а еще «жил на соседней улице». Ну, почти. Пятьдесят лет назад после долгой погони след-в-след он пропал со всех магических радаров, и наш ковен решил, что Сэмверан сбежал на другой материк, куда доселе никому не было хода. Так это или нет, неизвестно, но сейчас Смотрящий преспокойно жил в моей столице, ел хлеб моих подданных, дышал их воздухом.

Ненависть хлынула со всех сторон, так что я не справился с ее напором и облокотился о стол двумя руками. Тяжелое дыхание вырывалось из груди, как дым из горла первородных хейнгвар[9 - Первородные драконы, имеют две ипостаси. Союзная раса с империей снартари, обитает обособленно на островах Лазурного Архипелага.], перед глазами стояла пелена. Призраки старых пыток годами возвращались фантомными болями, пока я не научился с ними справляться. Сэмверан... он лично руководил «работой» над неугодным

императором, наслаждался треском сломанных костей и видом крови. А хуже всего то, что я ему доверял. Он был капитаном моей гвардии, еще когда отец был жив. Капитан Сэм, всегда верный и исполнительный... как же долго он носил эту маску! Долго по меркам людей. Но как он до сих пор жив? Уже не первый век... Возможно, продлевает молодость какими-нибудь неизвестными зельями из орденских запасов.

И, возможно, строит новые планы. Неясно, насколько силен сейчас Сэмверан, но он и поныне хитер, как лис. Если бы не зацепка с Сай, столичный орден до сих пор бился бы над его поисками в беспомощных конвульсиях.

Ни за что не поверю, что «капитан» отошел от дел, хотя, по донесениям тайной службы, он тихо жил в нижнем городе (!) уже более двадцати лет. Бедствовал, разорившийся кузнец, один воспитывал малолетнюю внучку-сиротку... А год назад даже нашел молодую жену. Пустил бы скупую слезу, да не стану. Если он все забыл, зачем вернулся в столицу? Совсем разум потерял? Из людей его, конечно, даже седые старцы не вспомнят, и от поисковой магии он как-то защитился... но в сентиментальность не верю. Он даже родом не отсюда, чтобы питать слабость к «родной земле».

Первым порывом было послать к нему стражей во главе с магами, заточить в казематы и лично допросить, но потом решил, что разумнее установить слежку. Нет, самым первым желанием было явиться к нему домой, при всем параде, и увидеть на его лице страх. Но минутная слабость не стоит потери важного козыря.

И у меня есть еще один – моя колючая зимняя роза, Сайерона.

Одним из первых порывов было также и ее убийство – чем не месть кровному врагу? Заодно бы избавился от болезненной одержимости. Ребенка я бы, конечно, не тронул, вопрос чести. Я обещал ему защиту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Примечания

1

Ольга Валентеева

2

Душа на снартарилле

3

Авторство принадлежит сетевому поэту Лелеладе

4

Мальда – храмовое одеяние

5

Ариэтар – команда погонщиков

6

Мерцающая соль – наркотик

7

Перевод имени Сайерона со снартарилла

8

«Она» на эльфийском

9

Первородные драконы, имеют две ипостаси. Союзная раса с империей снартари, обитает обособленно на островах Лазурного Архипелага.

Купить: https://tellnovel.com/ru/lorinova_ekaterina/serdce-ternovnika-ili-favoritka-el-fiyskogo-imperatora

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)